

Гор Гальян

18+

Алиса и Любовь

Вся наша жизнь безумная иллюзия

Гор Гальян

Алиса и Любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54778425

Алиса и Любовь:

ISBN 9780369401380

Аннотация

«...Мать моя – Мария, Ты помнишь Луч Света, когда он коснулся Губ твоих и в отражении Зеркала Твоей Души – Христос ожил, в чреве твоём... Как Дитя, молитвами заглушивший Рокот зла над Невежеством, и в Облике Твоём, зачал я Дитя, подобный Лику Своему... Да Будет Так – я произнес и в лампаде Твоей засиял Свет от Искры моей. И Молебном уст Моих – сложена Песня Сия...»

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Гор Гальян

Алиса и Любовь

Инсбрук – Ереван

*...Посвящаю всем, у кого есть Сердце,
а значит – Бог и Любовь... в нем.
Мир. Свет. Бог. Всем и во всем*

Часть 1

От друга к другу

...Мать моя – Мария, Ты помнишь Луч Света, когда он коснулся Губ твоих и в отражении Зеркала Твоей Души – Христос ожил, в чреве твоём... Как Дитя, молитвами заглушивший Рокот зла над Невежеством, и в Облике Твоём, зачал я Дитя, подобный Лику Своему... Да Будет Так – я произнес и в лампаде Твоей засиял Свет от Искры моей. И Молебном уст Моих – сложена Песня Сия...

* * *

... Я родился в городе, в больнице, крикнул что-то и подумал: наверное что-то со мной произошло. Наверное Свет

поразил меня, ведь до этого я был как у Христа за пазухой... Потом, когда выписали из больницы, у мамы не оказалось молока... Соседка кормила грудью. Худенькая женщина из молокан-староверов русских... В детстве часто пугали, что будет конец света, но я не верил, было смешно, как может быть конец... всему прекрасному, звездам, планетам... всем детям. Наверное, все-таки, что-нибудь да останется. Очень много читал и по этой причине стал прогуливать из школы. Однажды мне приснился сон, но это было так давно, что я не помню уже: это было на самом деле, явью или сном? ... Девтора из соседних домов рассказывала мне, что, когда я вырасту, то попаду в Лабиринт, игру какую-то... и если не размотаю Клубок, то случится что-то страшное. Потом, лет в девятнадцать, опять загвоздка, я не помню сейчас, в сорок, это было на самом деле или сон. У друга одноклассника, Роберта, какие-то люди незнакомые объясняют про какую-то игру. Я с ним сыграл вроде в карты и проиграл. Потом они спросили: – Есть ли любовь настоящая? Я ответил, – есть, иначе не стоит жить. Потом спросили, не соглашусь ли я сыграть в кино и доказать, что любовь есть – через двадцать лет, живя в свое удовольствие. А если не докажу – то умереть за нее. Но впрочем, если только напишу книгу про любовь – “Библия Любви” и отдам им, то выиграю спор. Я вроде бы согласился, но на следующий день сказал Сереге, своему другу, что это идиотизм. Любовь – хоть умирай, хоть нет – она существует, независимо от этого... и вскоре я забыл об этом споре.

... Самое странное, что в сорок лет я действительно неожиданно попал в этот эксперимент или кино, если хотите, и жертвовал жизнью ради любви, отгадывая абстрактные выходы из тупика, в которые меня завлекали, и самое странное и сейчас, что, когда закончил книгу, пока не знаю конца этой истории, чем-то напоминающую сказку “Алиса в Стране Чудес”, своей абстракцией, но, надеюсь, что она все-таки закончится благополучно.

* * *

... История эта произошла на самом деле со мной, а может не со мной... В городе, который Есть, Был и Будет. Но где он? Может затерялся во времени, которого так всегда не хватало мне, но, в то же время, от скуки я не знал, куда его деть? ... Но так или иначе, это произошло, и может кончиться когда-нибудь.

... Впрочем, как и все в нашем мире, появляется, оставляет след и уходит. Лишь память ворошит листву прошлого, стараясь отыскать истину, которая, быть может, в будущем...

* * *

Мы с Мариетой ехали на нашей машине домой. На Новый Год все водители пьяны, и я тоже выпил, но стараюсь

ехать осторожно. Но на перекрестке в зеркале я заметил быстро движущуюся машину сзади... Я хотел свернуть уже, но заметил и спереди другую машину. “Надо пропустить, успею...”, – подумал я и положил руку Мариете на руку. Удар сзади раздался так резко, что если бы не подголовники, то...

* * *

... Раздался стук в дверь. Мариета, моя жена, пошла открывать. Вошли двое – мужчина и женщина. Мужчина в сером пальто, а женщина – светловолосая, по-видимому иностранка. Они представились. Тигран – армянин. И Анна Мария – из Австрии.

– Мы собираем народные пословицы и ищем таланты.

Я заметил, – А я как раз стихи пишу. Они попросили почитать. Я почитал и показал им книгу “Ты и Я”. В основном о любви. Они переглянулись. – Правда, еще не напечатали, – добавил я. – Может поможете...? Мне почему-то казалось, что они чего-то не договаривают.

– Расскажите мне про себя, – попросила женщина. Переводчик перевел. – А что вас интересует? – Все... ... – Женат, двое детей у нас с Мариетой... Был еще раз женат, но развелся... Сын у меня старший, Володя... Но для чего это вам? Мне кажется вы чего-то не договариваете. – Вы правы, – заметила женщина. – Как вы думаете, кто мы по профессии? – Психологи, – почему-то сразу ответил я. – И у вас

какое-то предложение ко мне, наверное... – Ну чтож, если вы такой догадливый, мы хотели бы, чтобы вы участвовали в одном эксперименте... Это очень важно для космонавтики. С помощью нового прибора вас будут испытывать, внедряясь под гипнозом в вашу память... подсознания. А вы должны сначала рассказать абсолютную правду о себе... вплоть до самых интимных моментов. Потом мы попытаемся увидеть ваше предполагаемое будущее. Вы пробьете время и все расскажете нам, а мы под гипнозом сотрем все с вашей памяти... А вы через семь лет “сыграете” по своему же рассказу, и если все совпадет по времени, то пробивка была правдой, и параллельные времена существуют.

– Но почему через семь лет?

– Это цикл, связанный с астронавтикой и пробивка наиболее благоприятная для связи времен.

– Да, как раз через семь лет мне исполнится сорок. А сейчас... возраст Христа... Но, все-таки, почему вы из Австрии приехали в Армению?

– Это... вы должны вычислить сами. Ваша жена также не должна помнить о нашем приходе, и после вашего согласия, я надеюсь..., она забудет все. Это необходимое условие. В вашу жизнь мы вмешиваться не будем. И только к 2000 году вы сами пробьете свой гипноз. Эксперимент – моральная попытка – узнать о возможностях и пределе подсознания человека, но мы заплатим миллион долларов. В игре, в 1999 году мы придумаем психологический лабиринт и создадим

препятствия, но и подсказки также. А вы должны будете из него выбираться сами. Но это через семь лет. Вы подумайте и ответьте нам завтра...

... Конечно, какой дурак откажется от миллиона долларов, подумал я засыпая...

* * *

... Несколько дней я рассказывал им про себя, вплоть до самых интимных историй. Потом с ними пришел еще мужчина, гипнотизер.

– Представь, что ты в двухтысячном году и говори с самим собой вслух...

... Тело было словно ватное. Я говорил с кем-то, наверное с самим собой. Почему-то плакал, говорил им, что мама умрет в 1998 году, когда я буду в Чехии с сыном Давидом. Умолял их не пускать меня в эксперимент... в Инсбург. – “Где этот Инсбург?”. Говорил им про какие-то улицы в нем. Сказал номер какой-то Клары..., рассказал про Гетрию в Венгрии и Алика с Чаренцавана. А потом... словно ватный засыпал, ничего не помня. И снова я погружаюсь в гипноз, а рука вводит слова Гарика, из 2000 года...

– ... Я вспоминаю, а значит я жив, жив, несмотря ни на что, и этот бред кончится когда-нибудь. Я вспоминаю: много лет тому назад я проходил под гипнозом эти все тесты. Почему вы обижали меня? Били как скотину, хлестая кнутом,

пока кровь не выступала оз под кожи. Может надо было не там перейти дорогу, и трамвай разрезал бы мое тело и вдоль и поперек, и получился бы крест, которого вы все так ждали? Для чего эта игра, и что дает она, кроме неоправданной жестокости? Ради чего мучили меня, в прошлом, настоящем и будущем?! Голоса, когда вы уйдете от меня навсегда, и будет ли этот день? В 1993 году мне сказали, что ради космонавтики я должен пройти все испытания, и я так же, как и он, дописал Алису ровно 31 декабря 1999 года. И снова, в другом измерении, в прошлом, пришли к Гарику, чтобы попал в эксперимент. И они говорят со мной через него. – Но где же те двое, из моего времени? Все эти годы прятались и не приходили ко мне и даже не пришли сейчас, поговприть со своим прошлым. – Вы трусы или мошенники? Крали нашу информацию не ради того, чтобы улучшить жизнь, а ради того, чтобы прославиться. Вы обманули нас в трех экземплярах. Сначала в 2000 году Гарика и меня в 1993 году, а теперь и его, который говорит моими губами и пишет моей рукой... Тысяча раз проклинал вас в игре и проклинаяю теперь, если об этом эксперименте не узнает каждый..., иначе вы устроили геноцид в моем сознании, только ради себя...

... Мариета положила часы на кровать. – Мы с вами договорались об этом еще в 1992 году, но я не помню, что это значит... на часах остановились стрелки...

Стрелки – без десяти трех. Пришла дочка соседки Лили, ей в этот день исполнилось двадцать лет, а матери не оказа-

лось дома, но это уже было, было!!! В 1993 году, когда Гарик из 2000 года рассказывал мне это. На Новый Год мы с семьей поехали к тестю. По дороге голос Гарика спрашивает: – Какой год? – Сегодня 2 января 2000 года, вот номера машин, видишь 66 и АА? – Да вижу. – Таких не было в 1993 году. Вот мы у тестя, видишь? – Вижу... боже, как он постарел... А... это Томочка?! – Да, а это Давид. – Как они повзрослели. – А Марета... Видишь, как она похудела?! – Вижу. – Не соглашайся на эксперимент, а то мама умрет, когда будешь в Чехии, не езжай... ни какие деньги не стоят этого. Хотя и мне также говорили, но все я забыл потом. – Ведь и мне говорили, что в парламенте Армении убьют восьмерых, что Ельцин уйдет в отставку ровно 31 декабря 1999 года. Что война в Чечне продолжается. Но они ничего не изменили, а значит не изменят и сейчас, в твоём времени. Но я прошу вас, измените своё время, иначе жизнь превращается в абсурд. Для чего предсказания, если не менять жизнь к лучшему? Очнитесь! Вы не улучшаете жизнь астрологией и наукой, а уничтожаете, пока есть войны и горы оружия, Вы, кто отдаёт приказы, ответственны за все, что происходит.

... И предсказал я будущее и предскажу ещё. Земля будет жить, если кончатся войны – ещё 500000 лет, потом расколется на части, вместе с плохими людьми, а хорошие переселятся на другие планеты, что возможно уже сейчас, если бы не производилось оружие против себя и себе подобных. Границы между государствами должны исчезнуть по мере отка-

за от оружия, и Земля будет для вас Эдемовым Садам, и верил я в это как Бог и верую в это сейчас. Гарик ... Что страшного произошло? Да ничего, наверное... кто-то указал им ко мне дорогу. – Кто он? – Я думаю астролог. Почему я так думаю? Потому что из Австрии пришли ко мне в Армению. В чем причина? Когда узнаю, напишу про это.

Я думаю Астролог вычислил Рыбку, предсказанную Но-страдамусом... Сначала астролог. Потом прислал двоих... А потом я вошел в эксперимент, изменив свою судьбу, и мама умерла... Они искусственно изменили мою судьбу с помощью гипноза, и пробивка его прошла успешно, в максимально приближенных условиях жизни к реальности, и по мере того, как я проходил все эти тесты, то вспоминал, что все это уже было, когда я давал согласие... на этот эксперимент, но я не знал лишь одного: как мне будет все это время больно. Только Бог помогал сдерживать струны ненависти, ради любви ко всему земному и внеземному, в детских счастливых объятиях, и пусть они окончат эксперимент над тобой раньше, чем запланировали, но, в любом случае, мне их жаль, Жизнь прекрасна и божественна... А богема ждет нас... Мона ждет в нас, в сердце твоём и моём, во всех наших деяниях, во имя Любви...

... Когда дописал “Алису и Любовь”, в сознании возникли стрелки, как в компьютере, они уставились в грудь, кто ты? – И кто те, в голове ответил, – Я Бог ЕСМЬ – Есть Свет Миру, а мягкий знак перевернуть – Р – Рыба, предсказанная

Нострадамусом. Человек с рыбьей головой, ушедший в пруд, в самого себя, чтобы не было третьей мировой войны и зла – оружия, боеприпасов, невежества и фанатизма.

– Кто ты? – Я человек в человеческом теле – Гарик Гальян в 2000 году.

– Но как ты говоришь, от имени Бога?

– Хочу и говорю, и все, что я говорю, правда.

– Чем ты докажешь, что в тебе Бог.

– Бог не нуждается в доказательстве...

... Возник образ дьяволицы, с поросячьим лицом женщины. – Ты знаешь кто я?! – Ты сама присмотришься... Я тот, кто создал тебя. Смотри в мои глаза. Она испуганно отвела глаза. Из глаз ее покатились слезы. Возникли драконы, похожие на динозавров. – Мы боги войны... – А я тот, кто дал вам право называться ими. Откройте свои пасти. Они раскрыли... Я сломал им зубы. – Войны не надо больше. И их розовые язычки лизали мою шею. – Вы служите теперь разоружению, и если надо карать тех, кто допустил войну, пусть они во всех временах рождаются девочками, с добрыми сердцами.

... Возникла каменная стена в образе. – Если ты Бог, что это? – Я разломал угол. – Вот краеугольный камень преткновения. Я оставлю его себе – Свет Солнца, сердце Галактики осветил лик ваш. Больше не будет Земля злой, она будет доброй...

– А выше, можешь показать?

Возникла Игла. Я проткнул ею Небосвод, открылся Кос-

мос, с мириадами звезд. – А дальше? – Я проткнул Космос. – Видите, Боги творят новые Галактики. – Я проткнул и живая Мадонна светит, улыбаясь с Неба. В синем небе возникла Золотая музыкальная Труба...

... А вот вам и Рай, видите, прекрасные и дивные плоды, и Ева, обнаженная среди них, и Адам грустный. Они ждут вас, когда вы отвернетесь от оружия в сторону Любви – это и есть Рай. На этом мои видения пусть закончатся...

* * *

... Однажды утром я проснулся, голова ватная, какие-то обрывки сна... – Мариета, – говорю, – странный сон приснился мне, девушка по имени Звездочка, Австрия. Все это – ерунда какая-то, idiotский сон...

* * *

... Лошадь и мул повернули назад. Санчо Панса был грустен. Ветряная мельница скрипела, но не вращалась. Ее скрип услышал пастух и подкинул хвороста в костер. Искорки засверкали в темном небе, и пастух взглянул на Луну: – Почему я одинок, – подумал он, и корова замычала в ответ. – Видно пришло время телиться, – подумал он.

... А парень на сцене из-под гипноза очнулся сам и пом-

НИЛ ТОЛЬКО ОДНО – ЕМУ НАДО НА МОГИЛУ СВОЕЙ МАТЕРИ...

Ереван, январь, 2000 г.

Часть 2

Ты и я

... Рельсы начинались из ниоткуда и шли в никуда. Туман блестел капельками на шпалах, в черной мазутной накипи, в серых холодных облаках, в очертаниях непреступных гор и в мокрой листве, которую продирая, я пробирался...

Я опустился на колени перед рельсами, взглянул вверх и вниз, потом налево, где не было конца и направо, где также его нет и горько усмехнувшись, положил подбородок на мокрую шпалу, а шея моя прижалась к холодному металлу рельс... И, словно услышав меня и сжалившись над моими страданиями, вдалеке засвистел поезд, мчавшийся с бешеной скоростью. Я закрыл глаза и прошептал: “Только Мариэта... я люблю тебя... я... и...”

... Я подошел сзади, поднял эту голову за волосы без боли и сожаления и даже не чувствуя страха... Кровь капала с обрубленной шеи на шпалы, и когда я повернул ее к себе... я увидел... свое лицо... А в кожаной куртке вместо документов лежал желтый высохший цветок.

* * *

В один из солнечных дней мы стояли на остановке, я, Сер-

гей и Арут, и болтали о жизни. Пора было расставаться. – Ты куда, Арут? – На работу, в оперу. – Ты куда, Серег? – С Асмик надо встретиться. – Подъехал семнадцатый автобус. – Ну пока, ребята. Из автобуса уже выходили люди, когда я увидел тебя. Не знаю, что больше поразило меня, твои стройные ноги, твоя юбка, чуть выше колен, фигура, кучерявые волосы с рыжеватым блеском, или твое лицо? Не знаю, что притянуло меня больше, но я за тобой вслед быстро вошел в автобус. По-моему ты заметила меня рядом, и я спросил что-то, а ты ответила.

– А как вас звать? – Меня Мариета. – А меня Гарик. – А вы где работаете? – В ЦСУ, на Комитасе, старшим инженером. – А мы там недалеко, в вычислительном центре ЭВМ обслуживаем. – Мы разговорились. – Можно я вас провожу? – Можно. – Я еду к сестре, она живет в Чарбахе... Я сошел вместе с ней. Минуты две говорили. – А можно с вами встретиться, какнибудь... или позвонить? – Оставьте свой телефон и мой рабочий возьмите.

Мы понравились друг другу. Еще не было ничего, но было предчувствие любви. Почему мы встретились? Не знаю... Почему влюбились? Потому что... Ты и я – два одиноких сердца, брели, каждый со своей судьбою, со своей бедой, и ничего нас не могло остановить, только остановка, на которой встретились Ты и я.

* * *

... Все началось, а может и не начиналось с этой дурацкой идеи об Азиле – статусе беженца, которую кто-то внушил мне, а может и не внушал? Несколько лет назад, а может раньше, в Ереване, а может в дороге... Как я не смотрю назад, глаза мои скользят в детство, а спина повернута в будущее – кто ты, обокравший мою жизнь, и на сколько лет? Дьявол, Бог или человек? Где твой контракт, от которого и не пахнет деньгами, а только разорением моей семьи? Ты подлым способом, из-за спины, все время толкаешь меня, как марионетку, исполнять эту идиотскую роль, от шпиона до Христа и дьявола в одном лице, спекулирую на моих чувствах к моему родному сыну, к жене, ко всем близким, кого я любил. Ради чего? Ради дурацкого фильма? Ради контракта, который я быть может подписал, а вы под гипнозом стерли, с моей памяти? Ради бесчеловечной игры? Во имя чего, и что я должен доказать? Кому? Себе, жене, родственникам, детям, кому? Это идиотизм, если игра была честной, я бы играл в нее, а так – я играть отказываюсь...

* * *

... А помнишь, как мы встретились с тобой, Мариета? По-

шли в театр, где я подрабатывал машинистом сцены. Я сел с тобой специально, в зале, чтобы знакомые артисты со сцены увидели б тебя со мной. Они мне подмигнули, ты им тоже понравилась. Что-то с деньгами не в порядке, не беда, ты выручила, я знал, что отработаю их потом для тебя, моя будущая жена. Вообще, чтоб я делал без тебя, а ты без меня, ужас. Столько лет терпеть меня – это надо быть сильной женщиной, со слабым сердцем или наоборот, слабой женщиной со здоровым сердцем. Но теперь ты меня не проведешь. Ты знаешь я про что ... А может и не знаешь.

... Идиотский спектакль, когда он кончится? Чтобы увидится с тобою, поболтать. Ты так молчаливо говоришь со мной иногда, что хочется иногда всыпать, за все хорошее, чтобы потом снова помириться с тобой, любовь моя, жена моя. У нас было все: и плохое, и хорошее, но хорошего было все-таки больше, надеюсь, намного больше... Ведь ты и я – это судьба. Будничность – потрясающая штука. Столько ходишь, ищешь чего-то, а оно оказывается рядом с тобою – счастье твое и любовь. Оглянись, приостанови ее, тебе не кажется, что она пройдет мимо?! Жена будущая или любимая... И то и другое – прекрасно. Помнишь, как я завлекал тебя в сети любви? ... Как в первый раз ты постеснялась и не сошла со мной на остановке ко мне домой и поехала к сестре, наверное? Потом я тебя завлек все-таки и поцеловал в губы. Что усмехаешься, не так все было? Спальня тебе понравилась наша, а не я – спальня нашей любви. Там зарождалась

Томочка – наша дочь будущая, потом Давид, сынок мой, ты поправишься, станешь сильным мужчиной. Как Аллен Делон – красивый. Но он пил ... бурбон, в то время, как я рисовал тебя, Давид. Это была красивая картина у благодарный труд, надеюсь. А Томочка, в кого пошла характером, веселая и лопочет не умолкая? В меня? Нет, я был молчаливым мальчиком... В тетю Свету, сестру мою, наверное...

* * *

... С мамой поговорил: хочу жениться, девушку нашел, окончила университет, работает, любим друг друга, это главное. Приглашу Мариету к нам, познакомитесь, а там решим. А отец был в разводе в то время. Ты маме понравилась, я знаю. Мама мне сказала: – Смотри, она скромная, хорошая, а ты такой непутевый. И бабушке понравилась. Она сказала: – Я вам не советчица, сами решайте. – Что решать: денег у меня нет на свадьбу, а у отца просить не буду. Придется поговорить с Мариетой начистоту. Если любит – поймет, перейдет к нам жить и так. А там Бог поможет, заработаю. Поговорил, ты все поняла правильно...

* * *

... Где я только не работал... В восемнадцать лет устроил-

ся с отцом работать в “Спецавтоматике”, обслуживать противопожарную сигнализацию на предприятиях. Но до этого познакомился с Натэлой. Однажды с другом Робертом пошли гулять к поющим фонтанам на площади Ленина, в Ереване, где собиралась молодежь, вечерами поглазеть, да и познакомиться друг с другом. Напротив Главпочтамта мы прогуливались полукругом, от фонтана к нему и, заслышав русскую речь, подошли к двум девушкам. Познакомились. Одна мне понравилась, кучерявая, с милостивым лицом, в очках и майке, в джинсах, звали – Натэлой, а подругу ее – Таня. Они оставили свой телефон, и мы договорились встретиться напротив, в парке тысяча фонтанчиков, вернее – 2750, как и Еревану, про что ученые узнали, прочитав на камне надпись. Мы встретились. Натэла любила рассказывать про себя и вообще – говорить. Она живет с мамой и братом, папа у нее в Испании. Она была там недавно и приехала назад... у отца не понравилось. А Испания понравилась. Я обнял ее за плечи. Она весело предупреждала: – Мы только друзьями будем, хорошо?... – Хорошо, Натэла. – А завтра встретимся? – А куда пойдем? – Ну хотя бы в парк, возле набережной. – Хорошо. От Натэлы было хорошо на душе. И Роберт с Таней должны были встретиться ... Мы с Натэлой прошли через тоннель, соединяющий проспект с парком и, гуляя, пошли по набережной. Под деревом постелили ее джемпер и мою куртку и сели на них. Целовались. Я гладил рукой ее маленькие груди и ласкал между ног ... сквозь джинсы. Ей это нра-

вилось. – Но не здесь, дурачок, потом, потом, – шептала она, ероша мои волосы... – Я хочу тебя... я люблю тебя ... Губы наши сплетались, языки ласкали друг друга. Уже темнело. – Поздно, пойдем, – шептала она...

... Я сажал ее на колени на скамейках, которые попадались по дороге домой, а она возбужденно уговаривала, – пойдем. Какой ты ... горячий... – Она наслаждалась этим, я тоже... – Нас увидят, завтра ... завтра... – ласково шептала она, сквозь прерывистое дыхание, и мы с трудом оторвались друг от друга. Я проводил ее. Договорились встретиться завтра, возле Политехнического, где она училась на заочном.

* * *

Возле фонтанчика, где договорились, ее не было. А зашел в сквер, отодвинул ветки кустарника и увидел ее. На скамейке напротив сидела Натэла, а ее обнимал за плечи и шептал что-то на ухо – другой. Глаза ее встретились с моими, и я повернувшись, ушел. Злой зашел к Роберту, выпили пива. – Дерьмо она собачье, – выругался я и пошел домой. – Дура... дура, – твердил я себе, – дрянь, шлюха... – ругал я Натэлу. Разочарование? Ненависть? Не знаю, но было очень больно. Быть может от того, что потерял и любимую и друга ... также. Бывают родственные души, мне казалось, она была такой, Натэла. Телефонный звонок. Поднял трубку. – Это я, Натэла... Гарик, ты извини, если можешь, меня... Но этот

парень ... в с ним встречалась раньше, до тебя... Наверное я сделала тебе очень больно... – Да, и не звони больше, Натэла, – и я бросил трубку. Я в душе рыдал, было обидно и горько, и тяжело разговаривать, об этом, с кем-либо...

* * *

... И кто внушил эту idiotскую идею об Азуле? Не знаю. Мы были с женой в гостях у ее сестры Жанеты. Мой свояк, Манук, стал рассказывать, что его двоюродный брат продал квартиру и уехал с семьей в Германию. Как там хорошо живется и можно остаться жить навсегда. У нас сын болен эпилепсией с 1993 года, и лечить все равно надо, но как лечить и где, мы не знали. Хотелось за границей, где врачи лучше. Может это и было причиной, что последовало дальше? Не знаю, не уверен, все может быть. ... Первая информация. Можно как беженцу за границей лечить ребенка бесплатно. Одни говорят, что надо говорить на Азиле – о болезни, другие – не надо, или не имеет значения. Представляют беженцам жилье и питание или пособие. Со временем можно получить гражданство этой страны. Но почему-то многих возвращают. Причины надо узнать. Действительно, жизнь в Армении очень тяжелая. Денег с трудом хватает на еду, при том, что занимаюсь коммерцией. Инфляция пожирает все. Кинозал превратили в вещевой рынок, где я торгую, сняв столик. Заводы закрывают, людей выбрасывают на улицу. Все, кто

может, пытаются торговать. Остальные уезжают, спасая свои жизни. Правильно и делают. Я тоже спасаюсь, но выбраться из замкнутого круга не могу вот уже несколько лет. Меня преследуют неудачи, даже при всем моем умении выживать, не спасти родителей, не спасти детей – а я не хочу обкрадывать их будущее... Да, год 1996, я продал квартиру, хоть это было очень трудно: я проторчал несколько воскресений и суббот около стадиона, где на тротуаре собирались тысячи человек, продающих дома и квартиры. Тогда были перебои с водой и электричеством, давали по несколько часов в сутки. В Аэрации, где мы жили, в этом отношении было чуть лучше, хотя и окраина города. Квартира не продавалась почти полгода, но потом я попросил отца повесить объявление возле почты и магазина. Отец молчал. Мать говорила: – Продашь дом – без крыши останешься. Мой аргумент – лечить ребенка надо. Жена вроде была согласна, хотела выбраться из этого ада, где нету будущего, где устали от нищеты... Стали приходить по объявлению. Смотрели. Приходили, уходили... Потом, наконец, продали молодой семье – муж, жена и двое детей. В течение месяца продавали вещи, как и договорились, что уедем из своего дома сами, после распродажи...

* * *

... Это было в Москве, на Казанском вокзале. Возле касс заметил стоявшую с сумками девушку. Она была очень кра-

сива, лет восемнадцати, как и мне. Я подошел к ней, познакомились. Ее звали Татьяна ... Татьяна Орлова из Запорожья. – Едем с дядей к нему в гости, на Север. – А ты оставайся в Москве, что там хорошего в провинции? – Не могу, уже билеты он покупает. – Билеты сдашь, пусть сам уезжает. Оставайся. – “Боже, до чего она красива”. Более красивого лица не встречал в жизни. Правильные черты, голубые глаза, блондинка, прекрасная фигура. Я влюбился сразу, это было какое-то неестественное чувство, когда ты знаешь, что она создана для тебя, которую, быть может, искал до этого, всю жизнь. А найдя, все равно расстанешься. Это твоя судьба, и вот она рядом. – Почему ты смотришь на меня? – спросила она. – Я влюбился, – ответил я легко, без смущения. Ее глаза весело смеялись в ответ. – Давай убежим от твоего дяди, погуляем по Москве. – Не могу. – Ну тогда попроси у него. – Вот он идет, подожди. – Она недолго говорила с дядей, потом подошла ко мне. – Все, я свободна, но только недолго, через пять часов поезд. – Мы побывали в Горьковском парке, сидели рядом. – Ты мне очень симпатична... – А ты мне... – Оставайся в Москве... – Не могу. – Поехали ко мне на квартиру, где я снимал комнату, на проспекте Мира... Мы лежали рядом, целовались. – Я еще девочка. – Почему? – Был парень, потом разбился на мотоцикле. И ты первый после него, кто мне понравился. – Если б ты осталась в Москве, я бы женился на тебе, самая красивая девушка, и мы были бы счастливы. Я бы не надоел тебе, а ты мне, и ты это поняла,

наверное, потом. Но ты была мечта. А мечта исчезает, как иллюзия. Но ты была реальная мечта, и мы не могли остаться друг с другом, когда наши два сердца хотели этого... Ты и я – хотели этого, помнишь? – Да, говоришь ты, но не могу. Я должна ехать в какую-то глушь, в деревню, в Сибирь. – Зачем тебе ехать, жить чужой, с дядей? – Не знаю, – говорила ты, – не могу остаться, не могу. – Я буду писать тебе. – А я тебе. – Татьяна, голос юности и мечты, ты пленила мне сердце надеждой, прекрасной и верной любви.

... Я был не прав, что не дождался тебя. Бог покарал меня за это, Бог. Ты была моя судьба ... мое “Видение”, которое я посвятил тебе, Татьяна. Я знал это всегда, а потом не сделал выбора, так как уже было слишком поздно, и у меня была семья. А сейчас я проводил тебя к дяде. Перед отъездом мы целовались возле вокзала, сжимаясь в объятиях. Все исчезло... Все испарилось... Ты осталась мгновением счастья для меня, для человека, который нашел свой идеал и пожертвовал потом им...

* * *

... Каждый раз, проезжая в Ереван, чувствуешь, что ты на родной земле. Это необыкновенное чувство – что ты дома. Сколько б ты не скитался по свету, все равно дома лучше. Даже когда ты одинок, и в одиночестве есть свои плюсы: ты можешь почитать книгу, вспомнить о Москве, какие там

необыкновенные девушки, какие были только в Москве, и больше нигде. Пока не встретился с тобой, любовь моя...

... Все кончается когда-нибудь, иначе жизнь была бы сказкой, и я постарею, может быть умру в одиночестве, без друзей и подруг. Мысль о смерти всегда меня убивала... Работа – для чего стоять по восемь часов в сутки, в смену? Ради зарплаты, раз в месяц, тащиться домой усталый, чтобы поест, спать и снова на работу... Чтоб стать передовиком труда? Чушь собачья. Экономить на своем здоровье, чтоб раз в год отдохнуть и почувствовать себя человеком. Ложь для дураков. Обыденность нашей жизни убивает. Ученые тратят свой разум в микроскопах, телескопах... бухгалтеры корпят над бумагами, цифрами, нервничая, доказывая что-то друг другу. Военные вообще не нужны – горы оружия для уничтожения себе подобных. Вместо танков вырастили бы хлеба, чтобы накормить голодных. А люди жили бы ради наслаждения, общения и любви. И я рад, что меня комиссовали, и я не попал в армию.

* * *

... Растерзанное тело мое уже не дышит. Тысячи тонн груза раздавили его, превратили в лепешку об мокрый асфальт. – Давай, поднимай, – слышу голос, и меня за кручья, вонзившиеся в тело, поднимают. Мертвому телу не больно. И меня притягивают к баскетбольному щиту... Дырявая сет-

ка щекочет мне ноздри, но мне нельзя смеяться, я мертв.

* * *

... Мы ехали с другом Сергеем, с Аэрации в центр города. Я сидел, прижавшись к окну. Проехали остановку “ШЮП”. Я повернулся к Сереге. Она стояла рядом. Русская. Светлые волосы. В синем в горошек блузке. – Сергей, уступи девушке место, – на русском сказал я. – Спасибо, – сказала она и села рядом. – А можно с вами познакомиться, – как-то сразу сказал я. – Валентина... а вас ... Гариком звать? – Как вы догадались? – удивился я, но в ее лице были что-то знакомое. – Мы были соседями, помните ... в бараках жили? – “Сколько лет прошло – вспомнила”. – А у вас сестра была, Оля, – вспомнил я. – Да, сейчас у нее двое детей. – А вы? – Я развелась... а здесь в “Точприборе” работаю секретаршей. Мы оставили номера телефонов, а я пригласил ее к Сергею, организовали вечеринку. Она была горячей. Через несколько дней она пригласила к себе. Мать ее работала про водником и была в отъезде. Быстро сдружились. – А почему ты разошлась с мужем? – Он бил меня, проигрывал все деньги в карты, вообще, неудачный брак. Я работал в то время на коньячном, экспедитором, и мне надо было в рейс. – Приеду – позвоню, – сказал я.

Я позвонил, мы встретились, бродили по парку... – Ты меня любишь? – спрашивала она. – Люблю, а ты? – Люб-

лю. – Поехали, хочешь с мамой познакомлю? Было уже поздно, часов девять, и я взял такси. Познакомила с Лизой, своей матерью, которая без умолку тараторила, вспоминая соседей и бараки. Поужинали. – Валя, – сказала, – оставайся у нас спать, уже поздно. Я остался. Утром, приехав домой, сказал, что у друга ночевал. Прошло недели три... Я что-то не звонил. Позвонила Валя. – Мне нужно поговорить с тобой. – Хорошо, давай встретимся. – Ты знаешь, я беременна от тебя, нужны деньги на аборт, мать убьет, если узнает. – Хорошо, я подумаю, – потом спросил ее. – Ты хочешь выйти замуж за меня? – Конечно. – Просто знаешь, у меня была подруга, Натэла, и вот вышло так... – и я рассказал ей. А Татьяна давно не писала, и я подумал, что она забыла меня. – Ты знаешь, – сказала Валя, – если ты даже будешь без ног, я буду любить тебя. Всегда...

– Ты так сказала, Валя? – Сказала, ну и что? – Как что? Это была шутка для двоих? – Нет, для одного. – Кого одного? – Тебя или меня? – Для сына...

* * *

... Я с Мариетой поехали к ее сестре Джульете. Мама Мариеты умерла, когда ей было лет двадцать, а отец снова женился. Мариета была в ссоре с мачехой и жила у сестры. Познакомился с Джулетой и Мовсесом – ее мужем. А Айк и Асмик, их дети, были тогда еще совсем юными. Ты сказала

им, что еще мы не знаем, как быть, хотя мы с тобой уже все решили – будем вместе.

... С тобой договорились, что встретимся возле оперы, на остановке. Отцу я тоже по-моему сказал, что собираюсь жениться, но он что-то неопределенное пробурчал. Ты опаздывала. Я стоял с тортом и шампанским в авоське и букетом цветов в руке. Не было волнения, что не придешь. Я верил, что придешь и ждал. Я верил, что мы любим друг друга. Как ты? Не знаю, но если приедешь, тогда ты та, которую я ждал всю свою жизнь. Посланная Богом мне в помощь. Потому и ждал ... хотя прошло больше сорока минут, а может час, но это неважно. Ты должна была прийти. Я боялся одного, что тебя не отпустят, а в тебя я верил, Но ты опаздывая ехала, а значит знала, что я дождусь. Мы вместе ждали друг друга всю жизнь.

... Вот спускаешься ты с автобуса. Я подал цветы. – Чтонибудь случилось? – Нет, заехала попрощаться с сестрой. Я обнял Мариету за талию. – Ты моя, раз ты пришла... А я твой. И поймал такси.

Пришла мама с работы. Не помню о чем вы говорили, смотрел на тебя. Сели ужинать. Света, сестра моя, училась в Москве, в институте. Выпили и за ее здоровье. Наш скромный вечер, вечер нашей любви. Через несколько дней приехали наши родственники: двоюродный брат мамы – Юра с женой и брат отца – Артюша, чтобы решить, что делать дальше... Это немножко нас раздражало, мы вместе, и это все,

что нам нужно. Решили в субботу ехать все вместе знакомиться с родственниками Мариеты. Нас встретили хорошо. Отец Мариеты был из простых людей, с открытой душой, умел умно говорить и слушать людей. Дядя Артюша был за старшего, вместо отца. Я отцу сказал, но он не приехал с нами. Вообще, я не терялся, что смущаться, если мы уже муж и жена. Мы со своей стороны сказали, что нам ничего не нужно, нам и так хорошо вместе. Родители сами решили что делать. Пока Мариета знакомила со своими родственниками, я запутался, как кого звать. Казалось вся улица была ее родственниками, двоюродными братьями и сестрами. И многие жили в Ахпарашене. Кроме двух сестер, у Мариеты два брата младших, Варик и Вачик. От них уехали уже поздно вечером. Решили, что через неделю сыграем свадьбу.

* * *

... Я шел, делая витки за витками, поднимаясь все выше и выше. Идиотские облака приближались к лицу, по дурацкой дороге, по которой надо было идти обязательно посередине. Иначе дерьмо, в которое я попал, никогда не кончится. Ступни разрывало от боли, и боль в них усиливалась в несколько крат. Когда отступал в сторону от середины, Земля иногда дрожала, разговаривая со мной. Птицы перекликались и даже трава указывала мне правильный путь. Бред какой-то. Как будто я приехал сниматься в фильме, потерял мироощу-

щение, и теперь я поднимаюсь к Богу... Дорога действительно поднималась к верху скалы. Машины мчались мимо меня с бешеной скоростью, впрочем, и исчезали неожиданно. Хорошо ощущением времени я владею, но разве минут за десять возможно пройти путь в несколько километров? Впрочем река ... текла в том же направлении, что я шел, а значит – в гору, но река в гору течь не может. А значит, я иду по кругу: к черту, к дьяволу, к Богу – не знаю, но такого не бывает ... Это иллюзия ... Черт побери, я попал в кино, и сам не знаю об этом. Вернее, знаю, что из меня стерли это дерьмо, но для чего? Чтобы все происходило естественно? Согласен, но смысл пропадает, так как встал догадываться об этом. Когда? Наверное с того мгновения, когда я поцеловал руку Анне-Марии и Анне Павловне и сказал – Две Анны? Очень приятно, и словно видение поразило мой мозг: где-то все это я уже видел, но не мог вспомнить ... Почему?

... Не знаю, Валя, любила ли ты тогда меня или сейчас, жива ты или нет, но столько страданий, сколько ты – никто не причинял мне ... никто. Ради тебя отрекся от друзей, соседей, родителей, своих и лучших дней, пренебрег предрассудками ради тебя, потому что ты сказала так: если будешь без ног, то и тогда буду любить тебя. Может поэтому я и верил тебе? Всегда, пока не кончилось это... Всегда... Но пока что все было хорошо, ты познакомилась со своей старшей сестрой Олей... В отличие от тебя она была высокой, красивой брюнеткой. И более умной, наверное. Но мне ты быть

может и нравилась за свою наивность. Как писал Бальзак: истинно добрые только гении и глупцы. А в жизни все относительно, и каждый играет все эти роли, от дурака до гения, в зависимости от ситуации.

Я приехал к себе домой, сказал, что женюсь. Мама плакала. – Ты позоришь всех нас. Сердце разрывалось на части. – Прости, если можешь ... Я влюбился, я не виноват. Сначала жили у Вали, потом помирились, переехали к нам. Сыграли свадьбу. Жили год. Ссорились, мирились. Снова ссорились. Пока не родился сын.

* * *

... Невинные руки простирались к небу. Небеса прорвало, грянул гром и полил дождь, смывая грязь с дороги, по которой я шел. Я дошел уже до поворота, за которой стояла скала и за которой пропадала дорога. И стало легче, бред это или нет, но он должен кончиться. Хватит играть роль шута, хочу стать самим собой. Хочу увидеть вас, мои дети ... Володя, Давид и Томочка ... И дай Бог сил мне перейти и эту вершину, увидеть свет твоих небес. Верни Надежду мне, Радость и Любовь ...

... Через пять дней у тебя день рождения... Любовь моя... моя жена Мариета. Тюрьма, что может быть ужаснее тюрьмы? Помнишь, как мы любили друг друга? А может не любили, и все это была игра? Не знаю, кто-то внушил, что я уже мертв, что я уже ... компьютер, а ты – программист, запрограммировавший эту игру, и что ты вместе с ними издеваешься над моими чувствами к ... тебе (?)...

... Как ты посмела, пусть невольно, оскорбить нашу любовь, поверив им, ублюдкам, превратившим, тем самым, нашу жизнь в абсурд? Это жестоко, бесчеловечно... Ты выбрала игру для меня? Для чего? Мариета... Ради денег? Оглянись, их нет, но если будут, утекут, как и эта река в никуда... И мы остались по обе стороны реки, и ты не хочешь переплыть, и я не могу. Так и наши годы, проведенные друг без друга, уйдут в никуда. Жизнь под микроскопом не для тебя и не для меня. Более омерзительной лжи я не встречал никогда. Даже если это Голливуд. Да же если это гениальная (?) игра. Даже, как мне объяснили потом, это кино про Азил, а может наврали специально, чтоб я продолжал играть, и любой мой ход, правильный он или неправильный – это продолжение игры? Плевал я на Азил и на кино тоже. Раз я актер, хоть и поневоле, то почему я должен играть себя в подлой роли? Врать, что все фашисты, ублюдки, плевать на

семью? Ради пособий? Лазить по помойкам, питаться в дьявольской церкви – разве бывают церкви дьявола?! Спасать какие-то мертвые города, быть регулировщиком, Алисой в стране Чудес, пытаться ограбить банк? Идиотизм! Разгадывать абстракции, склоняться по тюрьмам. Ради чего? Тогда я придумал: ради встречи нашей с тобой в Инсбруке, чтобы ты приехала с детьми, и мы обвенчались здесь в церкви. Они сделали вид, что согласились. Машины стали разговаривать со мной, понимать меня – я обещал им свадьбу, чтоб разорить этого скрягу режиссера, испортившего мне жизнь... Чтобы у каждого водителя и актера было шампанское и черная икра, и веселился бы весь город. Я уже верил, что тебя привезли, что ты тут ... Но все затянулось, веру уничтожили, надо играть в их игру. Ну что ж, ради вас я согласен. А где контракт ... и деньги? А может это розыгрыш? Тогда почему он должен закончиться подло?

Инсбург, 19.08.1999, тюрьма "Лейб"

... У Вали начались схватки. Ночью вызвали скорую. Отвезли в больницу. Утром узнал, что у меня родился сын. Я очумел от радости, я стал отцом. Сказал маме – приготовь передачу, быстрее побегу в больницу. Взял денег. В больнице той санитарке дал, этой дал. Передал передачу. В окно кричу – Валя!!!. Из окна смотрит похудевшая, в синем халате. Показывает крошечное существо. Радость переполнила меня – я же отец. С сыном было все в порядке. Родился

три кило шестьсот грамм. А у нее были осложнения. Перевели в другую больницу. ... За день, как выписаться, встретились. – Завтра приедешь? – Конечно. – говорю. До этого я поехал в ЗАГС, назвал сына Володей, в честь своего отца. Утром собрался к ней. Взял такси. Приехал, выписали. Она уже уехала. Приехал домой – нету. Поехал к теще – нету. Поехал к ее сестре – там. – Тебе что, трудно было позвонить и предупредить, что без меня уедешь? Вообще, поругался и со свояком. Ушел, она осталась. Приехал к Сереге, посидел. Приехал домой, она ... вернулась.

... Прошел год, я решил устроиться на новую работу. Утром приехала теща. Говорили о пустяках. Я сказал, что поеду устраиваться на работу. Поехал, шефа не были, договорился на завтра. Возвращаюсь – Валя с коляской выходит. – Ты куда? – Провожу маму до остановки, там она ждет. Прошло полчаса, ее нет. Час – нет. Замечаю в гардеробе и вещей ее нет. Забрала и ушла, не объяснив ничего. Это было хуже всего.

... Время пробивает мозг, тяжестью, болью... Шел месяц, два, три ... четыре. Я не звонил. Она не звонила. Кто-то говорил, что видел ее... с кем-то – мне наплевать. В сделал все, что мог. Я прощал тебя и ссоры, и обиды, и прошлое и настоящее. Но ты, обманув, не объяснив, ушла, когда у нас было все нормально. Этого я простить не мог и не хотел. Она подала на алименты, плевать.

... Однажды позвонила, прошло уже месяцев восемь. –

Алло, это ... Валя... – Какая... Валя... – Ты не узнаешь меня? – Нет, не узнаю. – А сына не вспоминаешь? Я молчал. Сердце холодное наполнилось слезами... Он растет... и и говорит мне – папа... – Ты сама этого добила...

* * *

... Первый год особенно тяжело. Хотелось забыться, влюбиться ... но разбитое сердце не так легко склеить..., она не из черепков и глины, оно – живое. Надо стараться делать вид, что все в порядке, что все нормально, что все прошло, а ее вырвать из сердца. А сын останется в моем сердце, маленьким белокурым мальчиком, который первое слово произнес – папа. Я боялся ехать к ним, видеться с ним, слезы капали из глаз, когда я вспоминал его, но я не хотел, чтобы они манипулировали им и мной, и потому сохранил тебя, Володя, лишь в своем сердце ... Я виноват перед тобою, виноват, но знай, кем бы ты не вырос, Володя, я горжусь тобой и сохраняю в своем дыхании, в своем сердце любовь к тебе. Если, даже, будешь плохим человеком. Но ты не будешь, этот грех я взял на себя – отрекшись, когда тебя у меня украли ... вырвав мне сердце, истоптав мою душу. Нет, я не остался без ног, Валя, хуже... я остался без сердца. А ты осталась как “кое-что из варьете”. Отец мой ходил к ним, виделся с внуком... Но что я мог поделать с собой, если я боялся причинить ему боль. Ему уже скоро девятнадцать... На следу-

ющий год будет двадцать. В двадцать я женился на Вале. В двадцать один – судьба подарила тебя мне, слышишь, мой сын?!! И если б я родился снова, то я бы опять пошел по этому пути... Я не раскаиваюсь никогда в том, что ты родился у меня, мой старший сын, Володя, и я люблю тебя так же, как и Томочку и Давида, Потому что вы трое – трое моих детей, и у каждого своя судьба, и вы все одной крови, где бы вы не были, помните это ...

* * *

Со стороны Мариеты мы рассчитали, что будет человек пятнадцать, но приехало двадцать... И с нашей стороны столько же. Я сказал сестрам отца и ему на работе, но он так и не пришел. Пригласил и ребят с работы, Серегу с Асмик, его женой и матерью – тетей Ниной. Отец хоть не пришел, но помог с коньяком. Мариета сказала, что ее родные привезут сладости. А я купил все остальное. Мы как раз получили зарплату и Мариета отпускные, и сами все организовали. Помогла и мама. В двухкомнатной квартире с трудом всех разместили ... Шашлыки вышли – что надо... Было очень весело... После десерта полагалось танцевать. Большинство молодых хотело веселиться, убрали пару столов. Я поставил современную музыку, потом – армянскую. После бесчисленных танцев и тостов голова кружится. Я никогда не завидовал жениху и невесте, все на тебя глазают. Ты должен слу-

шать, смущаться, стараться не пить, не есть... А невеста – тем более, наблюдает, как другие радуются. А что будет потом? Но мы то уже знали, что потом будет – все о'кей, и играли свою роль спокойно.

... Выпивали за всех присутствующих, потом – по очередности, за тех, кого нет уже с нами, за тётей и дядей, друзей и соседей. Вообще, пили, пока водки хватало на всех, и вина с коньяком. Кто устал – прощались, говоря тосты напоследок. А близкие оставались помочь навести порядок. И снова в кругу самых близких и выдержанных продолжался пир. Вообще, было весело. Утром стали ближе и роднее намного. Мама держалась молодцом, была радостная, но и немного грустна из-за отца, наверное. Мы решили расписаться в ЗАГСе. Расписались в Центральном Доме Молодежи. А вверху – дискотеки и бары, где часто бывал с подружками. В ЗАГСе сфотографировались, выпили шампанского. Тесть все оплатил – достойный человек. Потом пригласил всех нас к себе, где уже были накрыты столы. Золотое было время ...

... С чего начинать писать, если не знаешь, с чего это началось? Чем закончится история, если не видно конца? Эта история могла произойти везде, где угодно, но только не со мной, но она все-таки произошла со мной... и происходит, пока что. Но мне нужен конец и начало этой истории, чтобы остаться жить таким, какой есть, а не таким, каким решил сделать меня режиссер. Был я в Чехии, был... Почему

туда поехал – потому что я так решил или режиссер – какая разница? Нужно было лечить сына. Отдали паспорта – делать визы и деньги. Жили у мамы, полгода ждали... Визы не вышли ... Решили ехать сами через Польшу или Словакию. Пытались два раза, в Словакию без виз не пускают. В Польшу – опять возврат. Уже хотели ехать нелегально, но что-то удержало. Решили вернуться – вернулись... Занялся торговлей. Сделал визы себе и Давиду в Чехию, а Мариета осталась присмотреть за мамой, дома.

... В январе 1998 года я зашел к Борику – соседу и другу, попрощаться. Он сказал, что хочет поехать в Америку поработать, и еще, что пишет какой-то сценарий... – Про что? – спросил я. – От самого сотворения и до наших дней... – сказал он. – “Каламбур какой-то” – подумал я.

... В Чехии, как и полагается, дал интервью и позвонил домой. – У меня все нормально, Давида обещали положить в больницу. Иногда подрабатываю, собираю долларов сто, посылаю семье ... Неожиданно из-за несколько сот человек потеряли мой паспорт. Мак Дональд, как звали полицейского (Какое странное имя, еще подумал я), объяснил, что иностранная полиция потеряла паспорт, а обычная нашла и отправила в Ереван. – Ну тогда жена пускай и получит, – парировал я. И отправил жалобу телеграммой в Министерство Внутренних Дел Чехии.

... А сына положили в Брно на обследование. И тут позвонила Света, сестра моя, из Краснодара. – Мама умерла

... Что-то оборвалось в душе. Позвонил домой, сказал Мариете, что потерял паспорт и выехать в Краснодар не смогу. Боль разрывала сердце... Справил поминки со своими соотечественниками, но с каждым днем было все тяжелее, без семьи, одному. Что-то окаменело в груди. До зимы кое как подрабатывал. Ребята из Армении обещали устроить работать в Фирму... Но так и не помогли... Многие беженцы перебирались в Австрию, и мне подсказали дорогу через границу, но я с больным сыном не решался... Не знаю почему, наверное потому-что без тебя, Мариета, не мог жить... В полиции сообщили, что нашли мой паспорт. Новый, 1999 год, встретили уныло. Мы в Чехии, вы – в Ереване... И я решил вернуться, продать все и, взяв отца с семьей, приехать снова.

* * *

... Мариета была беременна уже шесть месяцев и взяла декретный отпуск. Ходила на проверку тестом – сказали – девочка. Но какая разница, могут и ошибиться, я врачам не верил. Мариета дома, я на работе. Так спокойнее, когда жена дома. Жена должна не трудиться, а отдыхать, читать книги. Впрочем так думал я, а Мариета любила свою работу, была на хорошем счету. В шинном заводе составляла программу для ЭВМ, для автоматизации бухгалтерии. Мы тогда верили в жизнь, в надежду, счастье и любовь. Все это было с нами... – Помнишь, Мариета? – Помню, говоришь ты в мо-

ем сердце и улыбаешься ... У тебя очаровательная улыбка ... Хотя чаще грустишь. Грустишь? – Наверное, – отвечаешь ты. Я знаю, тебе грустно без меня, а мне без тебя – вдвойне. Понимаешь, дождаться и начать все сначала, как бы это не было трудно... – Потому что река времени течет только в одном направлении, только в море, где сливаются все реки, и в какое море мы с тобой попадем, я не знаю, но это будет здорово, иначе б не стоило бы жить. Мы должны добиться счастья для себя и своих детей – хоть счастье, в наших сердцах, в твоём и моём, и оно не ржавеет от времени. Просто оно спряталось поглубже, чтобы его не травмировали и не тревожили. Оно само расцветет, когда придет время. А это время – Бог даст нам, как дала Судьба нашу встречу и долгие, долгие годы любви. Просто нужна выдержка французского коньяка или армянского, чтобы дотянуться до счастья и, проснувшись, однажды утром в постели, друг с другом потянуться и сказать. – Какой я хороший сон сегодня видела... – А я приготовлю чашечку кофе тебе в постель и включу музыку... и буду ждать ... Чего? ... Не знаю ... Может вдохновения... Может наслаждения... Ведь в ожидании вдвоем нету ничего плохого. Потому что так хорошо вдвоем. И лучше умереть с любовью, чем вообще не умирать. А если жить, то жить с молодым сердцем и до конца жизни, друг с другом...

... В Чехии на Азуле дали бесплатные билеты самолетом через Москву до Еревана. Хотел сдать билеты в Москве и доехать до Краснодара, но у Давида были приступы эпилепсии. После обследования в Брно сказали, что в голове небольшая опухоль и можно обойтись без операции, и назначили новые лекарства. Но все равно приступы продолжались. Я не мог выносить его страдания и одиночества без жены и родных. Было тяжело на душе, год пропал впустую, и дела не наладились. Оставались последние триста долларов, остатки от суммы за квартиру и торговли. Я решил найти любую работу в Ереване и не уезжать, пока не выедем вместе. Мариета встретила грустно, холодно, вернее, все это стало мне казаться ... Приехали родственники, сочувствовали по поводу смерти мамы ... Да и Давида вылечить не удалось... Мне было тяжело как никогда, с Мариетой поругались. Она говорит, – ты ищи работу, – я говорю – ты. Но оба знаем, что работы практически нет. Нашел другую, день поработал, приехала комиссия, сказали, – Пока не работайте, мы позвоним вам ...

... Я злой, как так жить? Давиду на лекарства не заработаешь, может квартиру мамину продадим, уедем вместе в Чехию, в Австрию, какая разница? Марина мне, – Ты езжай один, я буду ждать... – Я устал один скитаться по свету. Устал, но выхода все равно нет... Перед отъездом в Венгрию,

куда не нужны были визы, зашел к Борикю занять денег. Он одолжил сто долларов. Перед уходом сказал, что собирается в Америку, работать вместе со своим сценарием... – А про что он: – спросил я. – Про то, что попадешь в Лабиринт и не выберешься, пока не отгадаешь все выходы. – А ради чего? – Ну, ради любви или ... своей жены... – Глупости, жена и так ждет. А потом, если герой не захочет к жене? – Тогда останется в Лабиринте навсегда... А как бы ты этот фильм назвал: – спросил Борик. – Абстракция какая-то... Алиса в стране чудес... – усмехнулся я, надевая куртку. – А за миллион долларов ты бы согласился сыграть в Лабиринте? – спросил Борик шутя, и я шутя ответил. – И за два бы не согласился, – и попрощавшись вышел.

... Мы с Серегой были близкие друзья, самые близкие, какие могут быть друзья. Еще с детства, когда я ходил в третий или четвертый класс. Мы тогда жили в бараках, возле Кировского химкомбината. Впрочем я там и родился, улица Таманцинери 100. Домик был маленький, две смежные комнаты и коридор, а перед домом – маленький огород и сарай. В спальне было окно, которое выходило сбоку к соседям во двор, где жили сестры Аня и Маргита, и Витя, на год младше меня, мой друг. Мы бегали по дворам с другими ребятами, играли в мяч, и с девчонками в прятки. Лази-

ли по мебельной фабрике и бетонному заводу, окружавших бараки. Бла там и военная часть, а напротив, через рельсы, пожарная часть, куда перебравшись через каменную ограду, мы лазили кушать тутовник. От бабушки я убегал с ребятами в военную часть, где знакомились с солдатами. Я смотрел на их автоматы и финки – стальные клинки. Бабушка Люба, мама моей мамы, меня очень любила и защищала меня, когда меня ругали. И отца я очень любил. Он пел в хоре, в народном ансамбле песни и пляски имени Татула. Был часто в командировках, приезжал с новыми большими чемоданами, в которых были новые сорочки и блестящие носки, которые покупали соседи. У отца все тело было в татуировках, тогда это было модно. С мамой они ругались, но я любил обоих. Он не хотел, чтобы мама училась, а мама училась на заочном, в Москве, в железнодорожном, а потом – в Политехническом в Ереване ... Мама оставила меня у бабушки с бабушкой, а сама поехала сдавать экзамены в Москву. Я тогда ходил в детский сад с бабушкой. Детский сад находился на пригорке через остановку. Мы поднимались по лестнице и дальше шли по краю. Отец и мать были тогда в ссоре, но я, увидев, узнал отца, когда он позвал, – Гарик, Гарик. Я побежал и покатился вниз по пригорку, сломав себе ногу. Потому бабушки осталась фотография, где мама подъехала в поезде, с протянутыми руками ко мне и не знает, что у меня нога в гипсе. Впрочем я поломал ногу еще раз. Саша, мой друг, обмотал меня проволокой и дернул, и я упал, сломав ногу у

себя во дворе. Когда родилась сестричка Света, в больнице, я жил у бабушки и скучал по ним. А когда привезли ее к нам, обмотанную в пеленки, я плакал вместе с ней и спрашивал: – А почему она плачет?...

... Но когда она подросла, мама ее все время защищала, а мне было обидно. Ссоры из-за денег участились, и отец бросил петь и устроился на завод “Пластик”. С работы он часто приносил пластмассовые чашки, кувшины. Однажды взял меня на работу покушать в столовой и искупаться в бане. Обычно в баню мы ходили с ребятами на бетонный или шинный завод, в субботу или в воскресенье. Мы с мальчишками иногда подсматривали в дырочки, когда купались там женщины. Не знаю, хорошо это было или плохо – но это было интересно. Подрастая, я очень много стал читать, благодаря маме: она говорила, – Вместо того, чтобы бегать, читай книги, а то спутаешься с хулиганами... Район, что говорить, был блатной, воровали все, что не так лежит или почти все, хоть в нашей семье это не практиковалось. Но бабушка повторяла часто, – в тюрьму попадешь – всю жизнь себе испортишь. Но мы с детворой часто цеплялись за грузовики и крали с них арбузы, потому что коллектив был такой, и это было нормально.

Книги открывали лицо воображению, а воображение искало в жизни идеал и делало сердце еще более чувствительным ... и одиноким. И в дружбе я пытался найти то, что искал потом в любви искренность, преданность и взаим-

НОСТЬ....

... Первая любовь, какая она – сексуальное это влечение или духовное?... И что было в жизни важнее – секс, дружба или любовь? Не знаю, мне хотелось всего, и чтобы это была Она. Я верил в любовь, ошибался, снова верил, потом понял одно – любовь может быть только взаимной, а если ее нет? Тогда глупо не ожидать ее ... Надо быть оптимистом... Оптимизм – девиз жизни. Пессимизм – правда жизни.

... Но кому нужна правда, если она убивает жизнь? Мне милее ложь, как и умирающему от рака яд, чтобы прекратить мучения. Потому что мучение стирает наслаждение. А все прекрасное, что есть в жизни – это пережитые мгновения счастья. Пусть мы ошибались, дерзали, но находили взаимность, а это и есть любовь. Когда тебе верили, как ты веришь им, этим глазам. Неважно, солгут они потом или обманут, важно, что ты верен был им, оставаясь таким, каким ты есть, и не предал никого ... Даже когда предавали любимые глаза. Даже когда ненависть возгоралась в них... Они манили, потом бросали и уходили, возвращаясь снова, моля о пощаде. Ты прощал их и оставался один, одному легче. Что легче? Не знаю ... Поверить ... в любовь снова, и может в последний раз и навсегда, до самой смерти? ... А ложь и смерть не смогут разорвать узы настоящей любви, потому что любовь – есть Бог, а любовь есть в каждом человеческом сердце, только надо уметь заглянуть в него, в его глубину ... И открыть ключиком этот замочек, и не поломать ни ключ, ни замок ...

... Я выехал из Армении в день своего сороколетия. На душе было грустно как никогда, я боялся заехать в Краснодар, на могилу моей мамы... не знаю почему ... Что-то сдерживало меня, какой-то необъяснимый страх ... Наверное, что ее больше нет, и я никогда не увижу ее живой. Я просил перед Чехией отца не брать маму с собой в Краснодар, а он все-таки повез ее ... Я не хотел никого, ничего видеть, пока не утихнет моя боль и пока не налажу свои дела ... и я проехал мимо Краснодара. Поехал в Венгрию, словно парализованный судьбой.

... В Будапеште огромный крытый вокзал. В Информации понимали по-русски и подсказали, как доехать до другого вокзала, чтобы пересесть на поезд в Дебрецен, где находился лагерь беженцев. Уже стемнело. Проехав бесплатно в трамвае, я добрался до этого вокзала. Купил билет. Поезд через три часа. Присел на лавочку. Слышу русскую речь: на соседней скамейке говорили женщина с девушкой. – Где бы кофе выпить? – спрашивает. – Внизу есть кафе, – подсказал я. – Там и бутерброды и кофе, можете сходить. – Мы с вещами, неудобно... – Ну пойдете кто-нибудь со мной, я вам покажу ... Попутчица молодая встает, и тут я разглядел ее. Фигура – ничего, высокая, волосы светлые, лицо круглое. – Вы откуда? – спросил я. Ее. – Из Литвы. Еду в Италию... – А я из Еревана, а это твоя мама? – Нет, женщина из Хорватии домой, в Россию едет. К сыну в гости ездила, а там бомбежка ... возвращается назад. – А в Италии уже были? –

Один раз была, год назад, депортировали. – Тогда зря едите, – говорю, – если депортировали, то занесли в компьютер и не пропустят, назад вернут. – А что делать? – Поехали со мной в лагерь беженцев, все ж лучше, чем ничего. – Она думала, думала. – На всякий случай адрес оставьте мне, может пригодится... Мы выпили кофе в кафэ и принесли женщине. Она тоже поддержала. – Езжай в лагерь, если не выйдет... Девушку из Литвы звали Гетрия, но через минуту я забыл, впервые слышал такое странное имя. Чуть глупенькие глаза, пухленькие щечки, а остальное показала потом ...

* * *

... С матерью у отца отношения стали натянутые. Мать работала, приходила усталая, готовила кушать. Отец где-то пропадал на машине, говорил, что подрабатывает, однако денег что-то приносил мало. Говорил, – машина портится ... Сестра Света окончила школу. Поступила в педагогический институт, на отделение дефектологии. Их факультет должен был учиться в Москве. Справили вечеринку. Проводили, уехала учиться. Прошло несколько месяцев. Мама почему-то была сердитая. Плакала. – Что случилось? – Ничего. – Оказывается ... соседи сказали, что отец ходит к какой-то женщине через дом, у которой муж умер и трое детей. – Да не может быть, наврали наверное соседи... – Я сама видела их в его машине ... а как я или ты попросим –

то времени нету, то бензина. – Успокойся, я сам поговорю с ним. Мама сказала, – Нет, я сама ... Вечером они поругались. Отец орал, – Тебя еще не хватало, где хочу, там и бываю. – Хотя бы соседей постеснялся, детей. – Да пошли вы ... надоели все. – Я вмешался, – какого черта дурачишь, или живи там или здесь. – Это не твое дело, сам бросил свою семью...

... Вообще еще несколько дней продолжалось. Поспит, приходит, поест и уходит. Все были нервные ... бабушка плакала. Приехал двоюродный брат мамы Юра, поругался с отцом. Ничего не помогло, он хотел и тут и там...

... Ночью, после ссоры, отец ушел, мама не закрыла дверь, а я встал, закрыл и не вынул ключ. И все не мог заснуть, если постучит – открою. В два часа ночи раздались шаги отца, я мог их узнать из тысячи. Он просунул ключ – ключ не зашел. Повернулся, ушел, не постучал. Утром маме сказал. – Я ночью не пустил его, пусть идет там живет. Раз не хочет – пусть будет так. – Мама молчала, потом заплакала. – Бросил семью ... ради чужих детей ... Любит, говорит, но какая любовь. Деньги его нужны ей, а не любовь. Деньги кончатся и выбросит на улицу, так ему и надо будет... – Успокойся, может одумается.

... Как работать теперь с ним, смотреть в глаза, делать вид, что все нормально, хотя в душе боль ...

* * *

... – Мариета, я ухом прислонился к твоему животу ... Я слышал его, он топнул ножкой, мой и твой ребенок. – Наш ребенок. Мы уже решили, что если будет девочка, назовем Тамарой, как мою маму. Если мальчик – не решили пока. Схватки как-то у тебя начались сразу. Сначала один раз, потом через полчаса и минут через десять ... Ты говоришь, – Не спеши ... еще рано звонить. Но я минут через десять позвонил. Я поехал с тобой. В больнице сказали. – Наверх нельзя. Жду внизу. Через час вышли медсестры радостные. Магарыч сделал. Сказали девочка. Поехал радостный домой. Приехал Варик, брат Мариеты, отметили с ним. Собрал передачу и поехал к тебе. Ты, бледная, сверху смотришь на меня ... Я кричу что-то ... Ты показала комочек – нашу дочь. – Я назову ее Томой, – крикнул я. Ты радостно улыбаешься.

... Поехал к тестю, с ним выпили. Сообщил ее сестрам – они поехали к Мариете. Дома выпался. Надо на работу – магарыч друзьям. Зашел в гараж, сказал и отцу.

* * *

... За тобой поехали с мамой на Юриной машине. Мама прижала Томочку к себе. А мы с тобой сидели сзади. Прие-

хали домой. – Больше не буду рожать, – говоришь ты. – Это такая мука. – Пока не родишь сына, не отстану... – А если будет дочь? – Во что веришь, то и будет... – Начал ей доказывать, что в одной книжке прочитал, что раньше, перед войной, когда народ знал о ней, рождались почти все мальчики, значит возможно: во что веришь, то и будет.

* * *

... Что мне нравилось в тесте – что он и на похоронах, и на свадьбе любил произносить торжественные тосты, ровным голосом, как оратор. Почти везде, где бывает, исполняет роль тамады. Его слушают люди, едят, он снова выпьет и говорит. Полная противоположность мне – я не люблю много говорить. И вообще, шумные веселья не люблю. Смысл моей жизни – Ты и Я, остальное – быстротечно ...

* * *

... Бабушка Люба за дедушкой смотрела больше пятнадцати лет – как парализовало. Весь скрученный был. Потом понемногу стал вставать, ходить сам, опираясь на костыли. Иногда спускался во дворик, посидеть на лавочке, поругать детвору ... Иногда с ним сидели на балконе, и он рассказывал мне, каким был воякой.

... Деда я любил, в детстве он водил меня гулять с собой. Себе покупал пиво, а мне – мороженое. Я купался в бассейне перед химкомбинатом, где собиралась детвора. Счастливого детства не омрачило даже пыль и газ химкомбината, от которых слезились глаза ... И взрывы, от которых вылетали окна, и небо заливалось заревом пожара. Мы бежали с ребятами к химкомбинату и смотрели, как подъезжали пожарные машины. Пожарники разматывали шланги, и пенящая струя боролась с огнем. Он колыхал неукротимо и его с трудом удавалось потушить, а иногда снова раздавались взрывы. Гибли пожарники, рабочие, раненых вывозили машины скорой помощи и обратно неслись назад ...

... Жизнь наша – на что она похожа? На кино может быть? Каждый день – это кадр пленки, который неясен нам, так как ночь прерывает его, потом в проекторе все сливается в одну движущуюся линию и лишь в конце фильма постигаешь его суть, глубину, гениальность, быть может...

* * *

... Я ехал в Дебрецен и вспоминал Мариету – как она изменилась и охладела ко мне. Каждый день проводила со своей подругой Лилей и не спала со мной в одной кровати ... И в комнате не было нигде фотографии мамы в черной рамке.

А перед отъездом сказала. – Спи с кем хочешь, только деньги домой присылай. Тяжело на душе также от того, что

не побывал на могиле мамы... Вот и Дебрецен, чем-то напоминает Словакию, чисто, спокойно. двое ребят молодых, лет двадцати пяти, Айк и Алик. Познакомились. А еще девушка Ира и молдаванин Сергей. Достали вина, выпили ... Я вспомнил про девушку Гетрию. Как она? Доехала до Италии?

... Через несколько дней я дал интервью в полиции. Странно, в Венгрии полицейскую женщину звали Тропик, а в Чехии – Макдональдс. Прямо экзотика какая-то. В вошел во двор, когда увидел тебя, Гетрия. Ты шла с полицейским в карантин. Я за ней. – Привет! – Привет... – глядит испуганно. – Меня с Кроватии и высадили. “С какой кровати?” – думаю. Оказалось, в Хорватии ее высадили, транзит визы не было ... и без денег добралась сюда. Вспомнила про адрес, что ей дал.

... Айк появился с Аликом. – Видел новую девушку? – Видел, она моя знакомая. – Познакомишь?...

... Ее поселили рядом с девушками югославками. Какая ты была, Гетрия Покиннайте? С внешней стороны – все о'кей, немного нервная, немного перепуганная, немножко психованная, немного веселая ... всего понемножку от женщин, с которыми раньше встречался ... Мы подружились. Ходили в столовую вместе, гуляли вместе. Сначала редко, потом немножко чаще. Вообще, через несколько дней стали друзьями ... Я по-дружески предложил – как освободится маленькая комнатка, давай вдвоем займем, хоть будет весе-

лее... Она согласилась ...

... Дьявол непобедим – я усмехнулся. Но дьявол не есть создание Божье? Он же Его заблудший сын...

... Нет, в вспомнил, по-моему ты, Гетрия, вышла, чтобы проводить меня, и я отдал тебе ключи. Потом просто оглянулся ... Странно, окно, в которое обычно мы лазили в огород, было забито досками. Плохая примета, Придется через другие ворота лезть. – Я знаю где, – сказал Айк Алику. – Пошли ... Дошли в дальний конец лагеря, оглянулись – никого. Я говорю. – Полезу, а вы за мной. Айк доской приподнял колючую проволоку, которая проходила по всему бетонному забору, вокруг лагеря, и я пролез под нее. – Давай авоську, – крикнул я Алику, лежа на стене. Он подал мне авоську, я просунул ее под проволокой и спрыгнул на асфальт. – Давайте быстрее, – крикнул я им ... Машина выехала из-за угла – полицейская машина. – Не прыгайте! – крикнул я в воздух, по-армянски. Они за стеной затихли. Машина дала задний ход. Вышли полицейские, что-то спросили. – “Мунка” – говорю, – Работа. – Показал пакет, в нем консервы, трико ... Они позвонили куда-то из машины. Отпустили. Машина уехала. – Странно, – подумал я, – не в полицию, не в лагерь, а отпустили. Крикнул ребятам, – Лезьте. – Алик перелез. – А Айк? – Пошел через проходную. Мы пошли на остановку. – Айк продет провожать, – сказал Алик. – С венгеркой, своей подругой... – Подождем лучше их на вокзале, они сами придут туда. – На вокзале купили билеты до Будапешта и при-

сели на лавочку. Приехал Айк с подругой и фотоаппаратом. Сфотографировались ...

... Я так и не успел изучить венгерский, как Айк. Вспомнил почему-то площадь, оттуда ходил звонить Мариете. Был у них – праздник наверное ... Одетые в черные костюмы молодые люди с сотовыми телефонами, суетились перед площадью, ожидая кого-то. Было в них что-то театральное, словно акт из какой-то пьесы ... без главного героя. Да и Вестерн Юнион что-то тянул с переводом денег..., а камера наблюдала за нами, пока я с Аликом ждали, а девушка-телефонистка не могла соединиться с Арменией Европа все-таки... В конце длинной улицы разыскал лагерь беженцев – в бывшей советской военной части, огороженной стеной. Приняли. Отвели в карантин. У ребят из Югославии спрашиваю. – А с Армении есть беженцы? – Есть ... есть ... Позвали. Пришли двое ребят молодых, лет двадцати пяти, Айк и Алик. Познакомились. А еще девушка Ира и молдаванин Сергей. Достали вина, выпили ... Я вспомнил про девушку Гетрию. Как она? Доехала до Италии? ... Через несколько дней я дал интервью в полиции. Странно, в Венгрии полицейскую женщину звали Тропик, а в Чехии – Макдональдс. Прямо экзотика какая-то. В вошел во двор, когда увидел тебя, Гетрия. Ты шла с полицейским в карантин. Я за ней. – Привет! – Привет... – глядит испуганно. – Меня с Кرواتии и высадили. “С какой кровати?” – думаю. Оказалось, в Хорватии ее высадили, транзит визы не было ... и без денег добралась

сюда. Вспомнила про адрес, что ей дал. ... Айк появился с Аликом. – Видел новую девушку? – Видел, она моя знакомая. – Познакомишь?...

... Ее поселили рядом с девушками югославками. Какая ты была, Гетрия Покиннайте? С внешней стороны – все о'кей, немного нервная, немного перепуганная, немножко психованная, немного веселая ... всего понемножку от женщин, с которыми раньше встречался ... Мы подружились. Ходили в столовую вместе, гуляли вместе. Сначала редко, потом немножко чаще. Вообще, через несколько дней стали друзьями ... Я по-дружески предложил – как освободится маленькая комнатка, давай вдвоем займем, хоть будет веселее... Она согласилась ...

... Дьявол непобедим – я усмехнулся. Но дьявол не есть создание Божье? Он же Его заблудший сын...

... Нет, в вспомнил, по-моему ты, Гетрия, вышла, чтобы проводить меня, и я отдал тебе ключи. Потом просто оглянулся ... Странно, окно, в которое обычно мы лазили в огород, было забито досками. Плохая примета, Придется через другие ворота лезть. – Я знаю где, – сказал Айк Алику. – Пошли ... Дошли в дальний конец лагеря, оглянулись – никого. Я говорю. – Полезу, а вы за мной. Айк доской проподнял колючую проволоку, которая проходила по всему бетонному забору, вокруг лагеря, и я пролез под нее. – Давай авоську, – крикнул я Алику, лежа на стене. Он подал мне авоську, я просунул ее под проволокой и спрыгнул на асфальт. – Да-

вайте быстрее, – крикнул я им ... Машина выехала из-за угла – полицейская машина. – Не прыгайте! – крикнул я в воздух, по армянски. Они за стеной затихли. Машина дала задний ход. Вышли полицейские, что-то спросили. – “Мунка” – говорю, – Работа. – Показал пакет, в нем консервы, трико ... Они позвонили куда-то из машины. Отпустили. Машина уехала. – Странно, – подумал я, – не в полицию, не в лагерь, а отпустили. Крикнул ребятам, – Лезьте. – Алик перелез. – А Айк? – Пошел через проходную. Мы пошли на остановку. – Айк продет провожать, – сказал Алик. – С венгеркой, своей подругой... – Подождем лучше их на вокзале, они сами придут туда. – На вокзале купили билеты до Будапешта и присели на лавочку. Приехал Айк с подругой и фотоаппаратом. Сфотографировались ...

... Я так и не успел изучить венгерский, как Айк. Вспомнил почему-то площадь, оттуда ходил звонить Мариете. Был у них – праздник наверное ... Одетые в черные костюмы молодые люди с сотовыми телефонами, суетились перед площадью, ожидая кого-то. Было в них что-то театральное, словно акт из какой-то пьесы ... без главного героя. Да и Вестерн Юнион что-то тянул с переводом денег..., а камера наблюдала за нами, пока я с Аликом ждали, а девушка-телефонистка не могла соединиться с Арменией...

... Что можно сказать о первых сексуальных влечениях? ... С чего они начались? Когда мальчишками, собравшись в круг, показывали друг другу свои члены? Сжимая руками, чтобы выросли побольше? Как утверждали более старшие мальчики. Или с рассказов, как трахаются взрослые? А может с подглядывания в бане за голыми женщинами? Или когда соседские девочки снимали свои трусики и показывали, что у них между ногами, а мы – им? Или стискивания их за попки, в невинных играх в прятки... Это влечение к девочкам и чтение книг преобладало над всеми моими желаниями, и даже в школе я учился плохо, было неинтересно. С детства увлекался приключенческой литературой, фантастикой и историческими романами, потом перешел на Мопассана и Бальзака ... Шло время. Советские пионеры маршировали по улицам. Комсомольцы-отличники и отличницы получали пятерки по физкультуре, а Гоги, наш пионер-вожатый, маленький взрослый мужик, в пионерском галстуке, застучал нас с Ритой, когда мы разглядывали игральные карты с фотографиями голых женщин. Разразился скандал, вызвали родителей, а меня не приняли в пионеры. Это меня не огорчило. Гоги карты отобрал и оставил себе.

... Спортом занимался, вернее пытался заняться несколько раз. Сначала плаванием, где познакомился с Сергеем. Он,

в отличие от меня, был “чистым” армянином, и мать, и отец – армяне, но знал только русский. Он приехал из Грозного. Он собирал марки, и я тоже. Я его пригласил к себе на день рождения домой. Потом он – на свой день рождения. Он жил только с матерью. Мы долго не виделись, поссорились из-за ерунды. Встретились только, когда он отслужил в армии. А меня комиссовали по болезни. В классе сдружился я, Гена и Роберт.

... Однажды приехали ко мне в бараки подглядывать в бани. Один стоял возле входа, а двое по очереди подглядывали... в дырочки... в дверях. Генка осторожно выдавил бумажку и прильнул к дырке. – Ух... какие ... телки... – Я прильнул тоже. Две молодые девушки вытирались после душа ... между грудей ... между ног ... Они были прекрасны. Красивые тела ... Генка от возбуждения крикнул. – Мать ... вашу ... какие... – Послышались где-то шаги. – Сторож наверное. Мы бросились в рассыпную. Перед глазами остались эти обнаженные тела ... От чего сердце так учащенно бьется, когда подглядываешь, наблюдаешь или влюблен? Играя в прятки, я заглянул в чужое окно – женщина мыла ноги, и обнаженные бедра возбудили меня.

* * *

... Отец отправился на заработки в Россию, в Пензенскую область, а летом я, Света и мама поехали к нему в деревню.

С местной детворой я быстро сдружился, ходили купаться на речку. Там много было девчат. Прижимались, смеялись... Ходили вечером в клуб на танцы ... Без танцев – Россия не Россия...

... На танцах познакомился с одной девушкой – Леной, русской из Баку. Проводил ее до дома, обняв за талию. Поцеловал в губы. Вот все, что осталось в памяти о первом поцелуе.

* * *

... У одного профессора, в книжке “Жизнь после смерти”, прочел, что многие, испытавшие клиническую смерть, видели одни и те же видения. Что тело остается без души – они видели тело свое извне ... и летели по тоннелю к светящемуся существу. Это существо поясняло им, что в жизни сделали не так ... Они видели свою жизнь по кадрам, от начала до конца... Для чего? Может, если станут мудрее – в новой жизни исправят свои предыдущие грехи...? Не знаю... Ведь родившись, ты – новое мышление в новой среде ... И любишь кого-то другого. Может найдешь ту, которую не успел найти в предыдущей жизни? А найдя, узнаешь ее... или пройдешь снова мимо. Как может, не однажды, проходили мимо друг друга, я и Мариета ... Мы искали себя сквозь время ... и нашли, а может еще нет? ... Ты не говоришь часто “люблю”, почему не знаю тебя? ... Нет... знаю ... Ты любишь меня ...

Тогда почему ты молчишь?.. – Ты забыл, что я уже говорила тебе... – Да, забыл... – Ты не оценил этого слова. – Но разве любовь требует оценки? – Это ты сказала или я? – Ты была не такая, как всегда, когда я приехал из Чехии, год разлуки изменил тебя. Ты стала холодной. Ты играла роль. – А как я играла? – Не хочешь спросить, как я догадался? – Нет, не хочу... – А то бы я тебе сказал... Что охают душой и телом, а не ртом. – И тебе не провести меня ...

* * *

... Но тогда я этого не знал ... Чего не знал? Что у меня родится сын. Предполагал, надеялся, ждал ... Бабушка говорит, – внучека увижу, умру... – Куда ты спешишь, бабуля... – Одной скучно, дед уже несколько лет как умер... – Переходи к нам. – Да я вас теснить буду. – Не будешь. – Нет, пока не хочу. ...Кто-то нагадал нам. – Будет сын. – Как назовем? – спрашивает Мариета. – Не знаю ... лучше не загадывать. – А если девочка? – Сама назовешь. – Родился сын. Я был рад, как никогда, решили назвать Давидом, в честь отца бабушки Любы, своего прадеда, который воевал еще в войне России против турок, в Армении. Он приезжал к нам в гости, когда мне было лет шесть, и я помню его добродушное лицо.

... Давид родился смуглым. Загоревшим, шутили мы...

... Мы поселились с Гетрией вместе, в освободившейся маленькой комнатке, без окон, но с дверьми... Ты потеряла свои джинсы, после стирки... или их украли... и я дал тебе свои рейтузы. Я делаю тебе массаж, потрясающий массаж, а пальцы скользят тебе под трусики, но ты дико орешь. – Не надо... – Ты что, больная?! Молчит. Снова пытаюсь – снова кричит. Надоедает. – “Нет, определенно у тебя не все в порядке”... Делаем вид, что ссоримся, но утром – снова дружба. У нее пропадает с каждым днем аппетит. – Если б занимались сексом, был бы и аппетит. – Она молчит. “Дурацкий характер”... Мы расстелили одеяло под деревьями, на солнышке. Весна, апрель... Гетрия села, я прилег ... Люблю на траве лежать... Снял обувь ...

– А почему один приехал? – Да жена не захотела дом продавать, а работы нет, вот и пришлось одному. Скорей бы работу найти, семье деньги выслать надо ... А у вас в Литве как? – Легче, чем у вас, и безвизовый режим, сделали во все страны мира ... почти. – Расскажи про себя, любила кого-нибудь? – С матерью в шестнадцать лет я поругалась ... Был у меня парень, напились с ним. Трахнул меня... Я не хотела, была до него девушкой. Он повалил меня, а я была пьяная ... Под руку мне попало острое стекло, я порезала его. Прибежала домой, вся блузка в крови, ничего не помню ... Мать

плачет, отвела меня к психиатру ... Я поссорилась с ней и уехала в Каунас, поступила на заочный, в институт. Изучаю итальянский. У подруг фирма – девочки по вызову. После перестройки – свобода проституции... Подруги из Белоруссии, девушек провозили через границу в Литву, нелегально. А я присматривала за ними. Если кто скандалил, я порядок наводила. Однажды вызвали – приехала. Мужики пьяные, без штанов, девки орут. Всех выгнала, с девками поругалась. А одна девушка в окно выбросилась. Насмерть. Следствие началось. Я уехала в Италию и вот приехала ... Мать денег вышлет – уеду, друзья заждались. – А в Италии была уже? – Да, два раза. – Один раз поехала с фирмой в Швейцарию, работать в баре ночном, танцовщицей. Мы должны были привлекать клиентов, а они покупали шампанское, танцевали с нами. Паспорта находились у хозяйки. Однажды с хозяйкой поругалась, плюнула на контракт и деньги и, забрав чемодан, пошла через границу пьяная, в Италию. Пограничник молодой. – Ты куда? – Я махнула, – Туда – и пошла... Пьяной море по колено ...

... В Италии сидела на лавочке, не знала куда идти. Одна женщина пригласила к себе, я у нее пожила с месяц. Сын ее за мной ухаживал, но я перешла от них к его другу, работать ... в пиццерии, официанткой. Однажды друзья, пьяные, стали приставать ко мне, хотели трахнуть. Я пошла в полицию и заявила, что они меня хотели изнасиловать. Хотела деньги с них содрать. Даже в газете местной про это напеча-

тали. Потом та женщина пришла, ее сын тоже был среди них, и попросила, чтобы я взяла заявление назад. Я забрала, меня депортировали ... Вот такая история. Подошла Ира, которая живет с молдаванином. – Ну как? – спрашивает. – Молодожены... – Никак, – говорю, – Гетрии нельзя ... она девочка... Ира смеется ...

* * *

В Будапеште пешком дошли до автостанции. Автобус через Гер до границы был в 19 часов. В запасе часа три осталось. – Пошли в парк, – говорю Алику, – там отдохнем, а то здесь проверить могут. – Обходим автовокзал. На перекрестке полицейский скользнул взглядом по мне. Мы завернули за угол, в парк. – Давай присядем. – За нами какой-то парень идет, – сказал Алик. Пошли в дальний конец ... Сели на лавочку. Рядом девушка с парнем целуются... – Шлюха, – выругался Алик. – Почему? – При людях целуются... – Ну и что, трахнуть надо ж, где-то? ...

* * *

... По мере того, как подъезжали к границе, появились шлюхи на дорогах. Особенно около Гера. Одна с голой жопой, в узких трусиках, за ней еще две... – Что за городок, –

говоря, – как в кино ... Странно, ни одна машина не останавливалась, а телки – что надо... – А в Австрии, наверное, что творится... – мелькнула мысль. Мы подъезжали к автовокзалу. Мелькнула развилка дорог. Трафарет – Райко – в бок вправо. Женщина сошла. Надо было за ней. Мы не успели. Подъехали к автовокзалу. – Здесь может быть полиция, обойдем лучше и вправо, в проулок. Идем по длинной улочке. На всякий случай спросил у молодого парня. – Где автобам на Райко? – Он показал рукой. Значит правильно идем. Мы шли, прячась в тених деревьев по тротуару. Улица длинная, казалось не будет конца. Прошли гостиницу – небольшой полукруг. Мост. Вот речка, – говорю, – но не та. – Вон “Райко” – налево – переходим наконец еще мостик. Последние дома кончаются. За поворотом дорога. Автотрасса в Райко ... Где-то мчится электричка, это в Словакию. – Нам налево, – говорю, – через это поле, а там дальше должен быть канал. Он выведет нас в Австрию. Главное – быстро углубиться в поле ... Побежали, пробивая зеленые колосья. Они были мокрые, и мы промокли. Где-то на середине поля остановились. Кроссовки в земле. – Давай здесь переоденемся. – Я снял брюки, надел трико. И Алик переоделся. Выжали носки. Одед снова кроссовки. – Ну что, с Богом? – С Богом. – Побежали дальше. В темноте виднелась полоска леса. Где-то послышался звук мотоцикла, затих. Мы шли сквозь колосья, пересекая поле наискосок, пока не появился канал, а он должен был вести в Австрию. А там найдем железную дорогу, и

до Вены километров пятьдесят. Мы идем по берегу канала, он не широкий, метров шесть. Но наверное глубокий ... Где-то по карте его пересекала дорога, а значит будет мост ... Мы шли по траве, продвигаясь все глубже и глубже, в неизвестность, а огни редких машин удалялись вправо ... Все больше темнело. Впереди странный силуэт – камень, наверное. Неожиданно кто-то из-под ног выскочил. – Аааа, – раздался выкрик. – Мать твою... – заорали мы ... от страха. Старик в кожаной куртке. – Кто вы? – Словакия где? – спрашиваю. – Он показал рукой. – А Австрия? – Он махнул рукой по каналу. – Семь километров... – Раздался странный треск. – Тик ... Тик... – потом – Тик ... Тик ... Тик... – и снова, – Тик ... Тик... – Значит правильно идем, – мелькнула мысль. – Словно старика я где-то видел уже и всю эту историю тоже... – Во сне...? Мотоцикл был виден в кустах, видно я его принял за камень. Что-то во мне изменилось, какой-то неясный страх закрался в сердце, перед чем-то необъяснимым и странным. Но перед чем? Я не мог этого понять. По-дружески похлопал старика по плечу и мы пошли дальше. Почему-то вспомнились полицейские, которые отпустили, шлюхи на дорогах ... старик-рыбак, который в 22 часа ночи указал нам путь в Австрию ...

* * *

... Когда сломали наши бараки, все радовались, получая

новые квартиры. Отец был на целине в Казахстане, но мы получили в Аэрации, недалеко от деревни, где был его родительский дом, как хотел отец. Бабушке с парализованным дедом дали однокомнатную, на одной площадке с нашей двухкомнатной квартирой. Было хорошо и плохо – почти все друзья детства разъехались в разные концы, но судьбу не изменишь. В Аэрации все были с разных районов ... В Ереване все население, в глазах молодежи, разделялось на современную и несовременную. Современная молодежь хипповала в центре города в районе кинотеатра Наири, в барах и кафе, проще говоря – богема Еревана ... А окраины города были блатными. Считалось престижным отсидеть срок, воровать ... Боже упаси пройти одной девушке в незнакомом районе – приставали на каждом углу ... Но время все лечит ...

... Население дурачили пропагандой о коммунизме. Милиции боялись, КГБ – тоже, Ленина и Сталина – уже не очень. О Брежневе пока молчали. Говорили в полутонах анекдоты на кухне, или свободно, в баре – кто как ... На парад шли как на великий праздник, с флажками и плакатами. Все передовики. У нас самое, самое общество. У нас нет проституции, хотя трахнуть было проще простого. У нас нет казино, хотя за не заплаченный проигрыш могли изнасиловать или убить. Импорт нам не нужен – только в Березках, или из-под полы. Джинсы стоили рублей двести, триста. Пластинки “Битлз” и “Лед Зепелин” – по сто рублей.

... Когда Брежнева хоронили, то гроб грохнулся с такой

силой, что и в Ереване по телевизору было слышно. Дальше был Черненко – год прожил или два. Пришел Андропов – перепугал всех сталинскими манерами. Тоже уснул навсегда. И наконец – Горбачев. Начал хорошо, кончил Ельцин – плохо... Противостояние – противовеса. А время не лечит, а калечит, как заметил когда-то Высоцкий ...

... В Москве я с Мариетой были у него на кладбище ... Цветы – их было много на его могиле, не так много, как при его жизни, когда они так были нужны ему ... Тогда бы он и не умер бы так скоро... – Когда есть поэзия, – заметил кто-то, – ее не замечают, а когда нет – без нее задыхаются ...

* * *

... Вачика, брата Мариеты, взяли в армию, служить в Подмосковье. Проводили. Поплакали сестры. Проводы справили у тестя. На каникулы приехала Света из Москвы. Радость. Обрадовалась и Света детям. А с отцом не разговаривала. – Ой, как я по тебе соскучилась, – плакала мама, прижав ее к себе. – Ничего, мамуля, немного осталось, закончу – приеду, никуда от тебя не уеду... – Тесть попросил письмо отвезти Вачику, и посылку. Проводили Свету, и снова мама и бабушка плачут.

... Вечером меня с Гетрией пригласила Ира к себе. Купили вина, принесли магнитофон. Меня и Гетрию уговорили потанцевать. Танцуем. Пришел сосед Иры, румын. Пригласил Гетрию на танец. – Можно? – спрашивает меня. – Танцуй, жалко, что ли? – Они болтают, румынский похож на итальянский. Румын ушел, жена позвала. – Ты что не танцуешь? – спрашивает Гетрия. – Голова болит, неохота. – Приляжь, – говорит Ира, с Гетрией оставайтесь у нас. – Я прилег. Задремал. Все разошлись. Гетрия где-то шляется. Пришла часа через два. Легла рядом. Ночью слышим, как Ира с Сергеем трахаются. “Секс по телефону”. Засыпаем. Трое беженцев, турки, опять пытались добраться до границы Австрии. Поймали, опять вернули в лагерь. С Аликом договорились, что если не найдем работу, то через неделю попробуем и мы. Алик тоже хотел в Австрию или Словакию. Мы с Гетриен поселились в отдельную комнату, карантин кончился. Вечером Ира зашла к Гетрии. – Пошли, посидим у нас. Ты весь день одна. – Пошла. – Я скоро, – сказала Гетрия. Часа два ночи – нету. Не спится. Под утро пришла. – Где была? – Гуляла. – Мы же договорились. – Молчит. – Ты не муж мне. – Ну и что? – Мне на работу утром, а тут – не спи, жди тебя. ... Вечером снова ушла с Ирой. Ночью, часа в два, пришла пьяная с Ирой. Перед дверью говорю, – забирай свои вещи и

проваливай. – Я сама пришла за ними. – Ну и хорошо ... уходи. – Утром пошел на стройку, работы не было. Навстречу Айк идет. – А подружка где? – В заднице, – говорю. – Поссорились, у Сереги, наверное...

* * *

... Мы шли и шли, продвигаясь вдоль канала ... Из травы, из-под ног выпорхнула птица. Сердце забилося. Потом через пять минут вторая. – Страшно? – спрашивает Алик. – Нет... иди ты впереди, – говорю я. Когда из-под его ног выпорхнула, он тоже шарахается. – А ты чего? – Она была больше. – Они все здоровые, утки, наверное, – но больше это напоминало фильм. Канал стал заворачивать вправо, берег стал ниже, А значит – мельче канал, мелькнула мысль. Справа темнота, темные поля ... Ни машин, ни огней уже не видно. Слева, Боже мой, слева над каналом, по ту сторону берега, появились приграничные столбы и проволоки, она тянулась параллельно берегу канала, дальше вглубь, в Австрию. Мелькнула мысль. – Не лучше перейти реку и идти по той стороне...? Ведь тот старик мог нас заложить и нас перехватят. Ведь мы идем по его подсказке. Справа, вдалеке, лес примыкал к каналу... Вдруг из леса раздался какой-то неестественный храп, смех, что-то дикое, электронное, смесь лошади и ... дьявола. Такого не бывает. – Что это? – спрашиваю Алика. Он спокойно, – это зверь какой-то... – Потом еще раз, потом

еще ... Черт с ним, со смехом ... Опушку прошли, но дальше надо были идти через лес. Но мне послышался шум воды через камни... – Стой, – говорю Алику, – надо здесь переходить ... Мы, сняв обувь, перешли через канал, перепрыгивая через камни. Столбы приграничные перед нами. Надо перелезть через проволоку. – А вдруг ток? – мелькает мысль. Но я притронулся. И тут заметил на проволоке голубой лоскут и вспомнил, что это уже давно я видел, видел то ли во сне ... то ли ... Это была отметка – где переходить, оставленная для кого-то. Перед тем, как перелезть, мы проверили карманы и выбросили, порвав лагерные карточки, чтобы ничего венгерского не было. Покурили и доели печенье. А паспорта оставили у Айка в Дебрецене. В крайнем случае вышлет домой.

... Прожектор ослепил нас и остановился на дереве, загромождающем нас. Мы пригнувшись присели. Прошло с полчаса. От нас до следующего дерева – метров десять... – Давай пригнемся и рванем. – Мы пригнувшись побежали. Побежали вроде. Свет прожектора застрял на дереве. – Странно, – мелькнула мысль, – если засекли, то почему не поймали? – И это здание, и эти прожектора, гуляющие по небу, когда-то давно видел, но где? Не мог вспомнить. По карте этот отрезок границы был извилист, и нам надо было обратиться к железной дороге, чтобы добраться до Вены. Где-то послышался шум проезжающего поезда. – Неужели нашли? – думаю я. Но в какую сторону идти? Не выйдем ли опять в Венгрию? ... Вдали по автотрассе двигались автомо-

били, навстречу сияющему в свете ламп городу. Виднелся трафарет. – Давай дойдем туда, посмотрим. На нем указывали стрелки в одну сторону – Райко, в другую – Вена. Мы узнали направление и повернули назад, к железной дороге.

* * *

... Кто сказал, что в Советском Союзе нету секса? Секс еще не начинался. Вернее, сейчас начнется. Еще чуть-чуть, и мы познакомились с ними в Москве. Где? Неважно, главное – познакомились. Я и Армен, с двумя девушками. Одна была белокурая, другая – брюнетка ... Жанна. Она и пригласила нас в гости к себе, в Подмосковье. Купили вина три бутылки, закуски и поехали на электричке к ним. Выпили. Две маленькие смежные комнаты. Жанне было восемнадцать, мне – семнадцать. Я с Жанной перешли в спальню. Сели на кровать. Она учила целоваться в засос. Способный ученик ... Я стал раздевать ее. – Не спеши ..., а то не дам, – сказала она. Я горел возбужденным огнем ... и было немножечко страшно. Потом появились груди, снял с нее трусы. Она была полностью обнажена ... и побрита между ног. Как я потом узнал, это национальная особенность татарских девочек. Это прелесть, эта особенность. И, как учил Армен, открыл ее бедра, нашел половые губки и ... понеслось. По-моему, я ее замутил до утра, но ей было очень хорошо. А мне – тем более ... так и не устал за всю ночь ... Утром Жанна ушла попр-

щавшись, на работу. А подруга проводила нас до электрички в Москву. Секс – это радость первооткрывателя, открывшего Америку ... Открывшего новую жизнь. Адаму надо было раньше переспать с Евой – как можно было жить без греха? Грех, по-моему, когда одинокие сердца не могут встретиться и насладиться друг другом. Тогда жизнь вообще бессмысленна. Без секса невозможна любовь ... к женщине. Платоническая любовь – это любовь к манекену... за стеклом витрины или к кумиру на сцене. В семнадцать лет – что может быть приятнее секса и общения с девушками? Ничего. Просто всегда не хватает денег, но обходимся с друзьями, всегда выручая друг друга.

... Когда встретились с Серегой, он возвратился из армии. На остановке случайно увидел его, он стоял с тетей Ниной. Узнали, обрадовались, поцеловались. И потекли наши самые счастливые дни. Мы встречались, общались с девушками. Приглашали их в бар, в кафе или на вечеринки, где заканчивалось обычно очередной любовной историей. От девушек не было отбоя, и мы были счастливы, что не похожи на других ...

... Когда я женился на Вале, приехала в Ереван Татьяна Орлова, мое второе Я, мой идеал. Она позвонила мне домой и сказала, что остановилась в гостинице “Ани”, и хочет встретиться со мной. – Ты меня помнишь? – спросила она. – Да, помню ... А ты? – Да... приезжай ... Вале сказал, что нужно срочно поехать, встретиться со старой знакомой

... просто поговорить. Она словно чувствовала с кем говорил. – Нет, – сказала она. Если поедешь, то разведемся. Я не поехал, и мы ... развелись. А ты, Татьяна, осталась в моем сердце, как несбыточная мечта моей юности. Я знаю, тебе было одиноко, но ты нашла наверное себе хорошего мужа, и у тебя наверное уже взрослые дети. Так не бывает, чтобы не повезло двоим. Может все дело в терпении, которого всегда мне не хватало ... Я потом искал твой адрес, но так и не нашел. Наверное кто-то порвал письма. Я посвятил тебе стихи, но их порвала Валя ... Я ждал, что ты позвонишь, но ты не позвонила. Ты обиделась на то, что я не пришел. Так вышло, что я отказался от тебя, и ты не простила меня, я – себя тоже. Я должен был прийти и хотя бы попрощаться... и увидеть твои глаза. Но потом, мы бы обманули друг друга, сделали бы равнодушное лицо и разошлись, а слезы терзали бы, сердце обоим. А так я подлец, я не пришел, и ты забудешь меня. И тебе будет легче начать жить сначала. И ты должна быть счастливой, несмотря ни на что.

* * *

... В дверь постучали, я открыл – Гетрия. – Можно в гости? – Я вещи возьму свои. – Конечно, заходи, когда хочешь ... Кофе выпьешь? – Сделай пожалуйста ... Я готовлю, болтаем. – А мне Айк предлагал замуж, со мной в Литву хочет поехать. – Да врет он все, у него венгерка подружка. – По-

том попросила. – Сделай мне массаж. – Я сделал тебе потрясающий массаж ... Раздел тебя, нежно гладил твои маленькие груди... – Почему они такие маленькие? – Не знаю, – говоришь ты. Я поцеловал соски, потом твои губы. Медленно снял с тебя плавки ... Пушистый лобок и маленькие половые губки ... “Вот мы и встретились с вами” – подумал я и снял свои плавки. Пенис стоял как змея ... Я пальцами открыл ее губки и вошел в них ... Она охнула, потом еще и еще ... Она кончила. Я пока нет. И мягко погладил ее попу, потом перевернул ее. Чуть приподнял ее, между ног, сзади, и вошел между бедрами в ее покрасневшую розочку ... Ласковая попку, я входил и входил, пока не кончил ей на бедра. Она захотела вина, я сходил принес. Мы выпили. – Я пойду к Ире, – сказала она. – Ты иди, только не пропадай... – Ее не было. Я взял тетрадку и написал “Старик и девочка” – “Как я и Гетрия” – подумал я и написал поэму. Правда трагическую, но посвятил ей. Утром ко мне пришел Алик. – Она сидит в нашей комнате и плачет ... Сказала, что ты ее прогнал ... ночевала у Иры, поругалась с дедом югославом, который живет в их комнате. И он ее прогнал. Теперь не знает куда идти... – Я пошел к Алику, привел Гетрию назад ...

... Мы снова насладились любовью, и снова я кончил на ее бедра. Уже мне сорок, а я еще ни разу не пользовался презервативами. Ей – звонок, вызвали. Пришла расстроенная. – Мать звонила, сказала, что меня разыскивает полиция. – Оказывается, из окна возможно выбросила ты свою

подругу. – Не помнишь, была пьяна. – Но все равно поеду в Литву, без родины не могу. – Может ты права, без родины нельзя. – Но тебя могут посадить... – Они и рады, что уехала, теперь все свалят на меня. – Мы с Аликом решили перейти в Австрию, может и ты с нами? – Нет, поеду домой, денег дождусь от мамы и поеду... – Хочешь провожу тебя, потом мы с Аликом перейдем?... – Нет, вы езжайте, я подожду. Как перейдете, потом и я уеду. – Так мы с тобой и простились, Гетрия, как старик и девочка. А адрес твой, к сожалению, потерялся вместе с тетрадкой со стихами в Австрии... Се ля ви... – Такова жизнь ...

* * *

... Мы пошли рядом с рельсами, по тропинке между деревьями. – Пошли, – говорю, – быстрее, а то скоро рассвет будет. Когда дошли до небольшой станции, я понял: эта станция австрийская, я видел это название на карте. Снова поля, овраги, дороги, мосты, но мы шли по грунтовой дороге рядом с путями, видно строители проложили, когда строили. Железная дорога сворачивала в сторону, но чутье подсказало, что надо идти прямо. Пересекли автотрассу, а внизу увидели пассажирскую электричку. – Пошли отдохнем где-нибудь за деревьями... – Алик уже несколько раз жаловался, что ноги болят, и я помогал ему нести пакет с одеколонами и дубленку, которую он не пожелал оставить у Айка.

Мы уже еле шли, ноги разбухли от воды и дождя. – И все-таки прошли, – говорю. Глупо будет попасться. – Если долго будем сидеть – рассветет, и нас могут поймать. Дойдем хотя бы до следующей станции. – Зачем тебе идти пешком до Вены, рекорд Гиннеса хочешь побить или перед друзьями похвастаться? – заскулил Алик. – Из Чехии многие шли и многие попадались, когда покупали билеты или ходили купить поесть. Их заложили полиции. – Чем больше пройдем, тем больше шансов, что не возвратят. Мы пошли. Уже светало. Зайцы или кролики появились в поле, коричневые, крупные, перебежали дорогу, по которой мы шли. В зеленом поле появились ветряные мельницы. Огромные, на бетонном постаменте, они стояли гордые и величественные друг за другом, по всему полю, кружа огромными лопастями... – Где я их видел? Может в телепередаче, про Австрию?

... Пронеслась мимо электричка, наверное на Вену, вдалеке замедлила ход. Где-то остановилась все-таки – какая забываемая ночь, как в кино ... Это было чудесно, мы прошли, невзирая на все опасности в Австрию. Значит есть надежда, что все будет о'кей... Мы переоделись в сухие брюки. Вдалеке появилось серое здание. А слева – пустой двор ... и барьер из тысяч автопокрышек. Сколько их ... Посередине – стог сена... Рай из старого барахла ... Словно из мультфильма “Алиса в стране чудес” ... Но тогда я не так подумал. Я подумал опять, что это когда-то все ... уже видел ... во сне ...

Что было потом? Ах да, Егорьевск. Нам захотелось работать, поступить на фабрику, где много молодых девчат ... Тете Ани, хозяйке, соврали, что едем в Иваново, а сами поехали в Егорьевск. Я, Гагик и Армен ... Я в автобусе, на заднем сидении, сидели девочки. Мы протиснулись среди них, и я даже обнял одну за талию. Впрочем, познакомились. Приехали в Егорьевск, купили вина, сняли номер в гостинице и незаметно провели девочек. Ребята трахнулись со своими подружками, а моя, красивая полногрудая Ира, сказала, что девушка. Дальше тисканий и поцелуев дело не пошло... Утром уборщица заглянула в номер. Мы все с полуголыми девушками. Побежала докладывать директору. Мы их быстро попрятали. Директор прибежал с уборщицей, смотрят – никого нету ... Уборщица, шустрая, увидела лифчик на кровати. – Они здесь ... Мы – Нету никого! – Они стали искать. Открывают туалет – там одна. – А остальные?! – Ушли, ушли! – В шкафу шарит директор, между вещей, нашел вторую. Под кроватью, сантиметром двадцать, не больше. Он смеясь заглядывает туда – там на него смотрят невинные глазки Иры. – Вы что, здесь бардак устроили?! – орет он, – мы вас в черный список внесем, больше никогда в эту гостиницу не поселитесь... – “Черт с вашей гостиницей”. Главное девочек отпустили. Вот такие были времена ...

4 августа, Инсбург, изолятор

Письмо любимой

Сегодня у тебя день рождения, Мариета. Во первых, поздравляю и желаю тебе счастья ... Чтобы все твои желания сбылись. Чтобы я вернулся к тебе домой, и мы бы верили друг другу. У меня – была бы работа. Давиду желаю здоровья ... Маме – земля пусть будет пухом, но если жива, как пытались меня уверить в лабиринте, то здоровья и счастья. Мы любили и любим друг друга. Может быть годы ломали нашу любовь, разрывали на части в одиночестве. Может будничность скомкала ее, но вырвать из сердца ей не удалось. Я знаю, она теплится в наших сердцах. Не важно, что я не позвонил, не было карты, и не важно, что я в тюрьме, твой непутевый муж ... В тюрьме тоже люди сидят, со своими надеждами ... Ради вас я готов просидеть хоть вечность, лишь бы у вас было все хорошо. Был замкнутый круг, я пытался прорвать его, но ничего не вышло. Куда бы я не уехал из Инсбурга, я возвращался, чтобы играть свою роль до конца. Я сыграл ... и может быть неплохо, но играть самого себя, когда подают надежду и не исполняют ее – вещь трудная. Что я узнал о себе? Что я очень люблю тебя и детей. Что я был влюблен и сам не знал об этом ... что я переборол себя и пожертвовал всем и даже счастьем, но встретиться с тобой не удалось. Почему? Наверное потому, что мне навязывали жестокость ... Я прыгал, как сумасшедший, в Алисе стране чудес, лазил в грязи, ел искусственную пищу, от которой не мог

выйти, был шпионом, соблазнителем с другой планеты, учил инопланетян разуму, Чарли Чаплином, художником, роботом, со вставленными глазами, Христом поборовшим дьявола, Богом любви: и все это делал ради нашей встречи ... с тобой ... чтобы обвенчались в церкви. Я хотел счастливого конца у этой истории, но каждый раз они обманывали меня – тебя не было ... Я ждал тебя на лавочке много дней, но ты не приходила ... Я искал тебя по их подсказкам, вычисляя, где ты – в домах, в городах – Смерти, Мечты, Страсти ... но не находил тебя ... Люди подсказывали мне, символы, знаки ... витрины и надписи, но я находил только актеров, изображавших нашу жизнь. Мне предлагали на твою роль актрис, длинноногих, полногрудых красавиц, наверное, мисс Америк, но ты не согласишься, я отказался ... Лучше тебя, тебя бы никто все равно не сыграл ... Предлагали новые мерседесы и БМВ, но я отказывался, лишь бы тебя привезли. И когда я понял, что это лабиринт без счастливого конца, то понял, что конец его абстрактный, должен быть там, где и начался ... и я вернулся в тюрьму, чтобы меня депортировали. По дороге познакомился с белокурой, симпатичной девушкой – Кларой, которая оставила свой телефон. Это была последняя их попытка удержать меня. Я сказал Кларе – позвоню завтра ... Завтра ... и пошел в тюрьму. И если этот эксперимент был ради меня, пусть фильм останется незаконченным без счастливого конца. Я возвращаюсь к тебе... И ты простишь меня, что я без денег ... И я прощу тебя, что солгала и толкнула

вместе с ними меня в лабиринт ... Хотя все было наоборот, может быть ...

* * *

... Но, во сне, – говорю Алику, – я видел и этот сад, и эти качели ... Странно все это... Мы присели недалеко от платформы, вокруг ни души... – Такое ощущение, что это уже было, – говорю Алику, – было в Брно, когда приехал с Давидом в лагерь – я видел и эти фонари, которые зажигаются сами, когда проходишь мимо, и эти здания – раньше ... И теперь вот снова ... Мы с Аликом стали рвать сочные листья, типа лопухов. Алик в районе живет, знает, что съедобно ... Да и мы с ребятами в детстве часто рвали, ели. Недалеко виднелся городок. – Может обойдем его вечером? – Может электричкой поедem уже не могу идти, – занял Алик. Проехал электровоз с одним вагоном, в сторону городка. – Пошли, – говорю, – будь что будет, по путям выйдем к вокзалу. Небольшие пристройки. Маленькое одноэтажное сооружение, “Бангоф” написано. Вокзал. Зашел, дал деньги, – Битте цвай форткарт Вена, – стараясь говорить непринужденно, – попросил я. Молодой парень улыбаясь выписал билеты. – А тайм? – по-английски – время – показываю рукой. Он объяснил. Я вышел. Отправление в 13 часов 30 минут. А сейчас без десяти. Еще время есть. – Давай узнаю, где буфет. – У нас оставалось еще триста шиллингов. Зашел узнать

у кассира. Он говорил по телефону. Потом объяснил, что на другой вокзал идти надо, до Вены. – Спасибо, – сказал я и вышел. Мы прошли немножко по улице и нам переехала дорогу остановившись машина. Вышли двое. Улыбаясь спрашивают. – Пас ... Пас... – Паспорт. – Все, – говорю Алику, – попались. Вспомнил кассира, что говорил по телефону. – Заложил нас гад. Нас отвезли в полицию. Стали заполнять какие-то бланки. Я попросил воды. Он принес стакан. И Алику тоже ... Нас обыскали. Я придумал версию. – Туристы, потеряли паспорта ... Едем в Вену ... Нас снова посадили в машину и повезли. Читаю: Бангоф, Парндоф. Вокзал был совсем рядом. Надо было пройти по путям, а не выходить на улицу ... Я тогда еще не понимал, что как бы мы не шли, все равно, в Вену не попали бы...

* * *

... Летом всей семьей поехали в Евпаторию отдыхать, на папиной машине ... Сняли квартиру ... Девушки в купальниках шли через парк, пристающий к пляжу, накинув на себя халат или только в блузках. Мне это очень нравилось ... На пляже легкий песок, в который можно зарыться. Я любил лежать и наблюдать за девушками ..., за их красивыми позами и фигурами. За движениями их глаз, и когда глаза встречались, мы что-то говорили друг другу ... взглядом. Я был песком, скользящем по ее коже. Она лежала рядом, брюнет-

ка с короткой стрижкой, с черными лукавыми глазами и загорелой кожей в красном купальнике. С кульком вишен, которые она ела и, улыбнувшись, предложила мне. Я вежливо сказал, – Спасибо. – Они правда ... кисленькие... – заметила она. – Поэтому и предложили? – пошутил я, – и мы рассмеялись. – А как вас звать? – Меня – Ольга... – А меня Гарик. А вы здесь одна? – спросил я. – Я с сынишкой, отдыхаю. Уже скоро уедем... – А пойдете на лодке покатаемся? – Мы сели в лодку. Она с сынишкой спереди, лицом ко мне, а я греб, первый раз в жизни. Она была замужем, но собиралась разводиться, жила в Минске, на длинной улице Якуба Коласа. Мы договорились на следующий день встретиться на пляже. На пляже я нашел то место, где мы лежали вчера ... Ольга уже была с сынишкой, мы пошли к лиману, я ей хотел показать лечебницу. Там, перед забором, было отличное укрытие под деревьями среди кустов, подальше от посторонних глаз. Она постелила длинное полотенце, а сынок побежал собирать цветы для мамы. А мы с ней укрылись простыней и жадно насладились друг другом. Это было прекрасно. На загорелой коже – белые груди с темными сосками ... и светлая полоска между ее ног. Она была темпераментная в свои двадцать четыре года. Мы встречались еще несколько раз, пока они не уехали. Ольга писала любовные письма в Ереван, я – ей ... Со временем все прошло ...

... Книга не для детей – это ясно, много секса и любви. Но я не виноват, что я такой и любил их всех, с кем встречался. Независимо как долго были друг с другом – может год, может день, а может лишь один взгляд ..., а может и на всю жизнь... Это ты, Мариета, на всю жизнь. Но каждую женщину я любил, одну больше, другую меньше, столько, сколько отпущено сердцем и временем, так крепко, как Бог благословил на эту любовь. И случайность, которая сопутствовала ей и мне. Но вот нашел тебя, Мариета, и случайность обиделась. Мы остались вдвоем с тобой. Ты и Я, прижавшись головой друг к другу, ищем вдвоем выход из замкнутого круга, куда нас забросила Судьба – любовь моя. Я не знаю, но хочу окунуться в мир твоего детства, твоих грез ... Была ли ты такой веселой и шустрой, как Томочка, или такой серьезной и вспыльчивой, как Давид и обидчивой? Наверное, играла в куклы, как все дети. Потом первые друзья, первое признание в любви, кто-то наверное обманул тебя, не пришел. Кому-то нравилась ты, но он тебе не нравился или наоборот, он тебе нравился, но был с другой. У каждого человека есть свои тайны, свои воспоминания ... Ты училась отличницей, сдала экзамены в университет и только потом сказала родителям, какая ты умница. Сделала всем сюрприз. Помнишь, как я вышел из тюрьмы в Красноярске, вижу – ты, приеха-

ла в этот суровый край, на край света, спасти своего мужа. За что я тебя очень люблю. Но больше всего – нет, не больше ... Я должен был убрать эту косточку из-под твоих ног, чтобы ты не упала ради меня, слышишь, ради меня ... ты поскользнулась. Сделала себе пластическую операцию и изменила нос. Боже мой, ты вытерпела адскую боль, ради меня и нашей любви. Приехала с перевязанным лицом, и когда сняли повязки, это было немного новое лицо. Но я любил то лицо, слышишь, то?... Но тебе так захотелось. Что я мог поделать, если ты считала, что так лучше. Постепенно привык к новому лицу, потому что сердце осталось прежним, и характер не меняется ... если ты любишь.

... Сердце разрывается от боли, когда я думаю, что мы могли и должны были бы изменить свое будущее, уехав в Москву или за границу и жить где-нибудь счастливо ... и дети были бы там счастливы. Но мы не уехали, страдали все эти годы со всеми – сидели без света, без газа, без отопления, в холоде, верили, что все изменится к лучшему. А лучшего не наступало. С каждым годом правительство обманывало народ все больше и больше, людей выбрасывали с закрывающихся предприятий на улицу все больше и больше ... Душили налогами и предприятия и частных лиц. За коммунальные услуги должен платить больше, чем получаешь. Большая половина населения безработны, а значит – лишены права на жизнь. Мы превратились в рабовладельческое общество, без права на лечение, труд, отдых ... И дети мои

будут жить в нем и внуки . . . , не лучше ли сразу порвать, вырвать все из сердца и спасти свою семью?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.